

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛО-
ТЫХЪ ПРИСКАХЪ.

Статья шестая.

Отправление въ шурфовку.—При-
исковые прикащики.—Отыски-
ваніе прииска.—Рабочіе.—Наем-
ка и расчетъ ихъ.—Шурфы.—
Какъ моютъ золото.—Поисковыя
партии.—Огражденіе правъ на
заявленные мѣста.—Какъ ищутъ
золото.—Развѣдка прииска.—
Предварительныя работы.—Об-
заведеніе прииска.—Приискъ раз-
работывающійся.—Заботливость
о рабочемъ классѣ.—Фабрика
или промысловая.

День, проведенный мною на госте-
пріимномъ приискѣ, посвященъ былъ
исключительно отдохновенію.

А слѣдующее утро, мы пустились
въ путь—отыскивать нашъ при-

было немного: я, управляю-
ячъ человѣкъ рабочихъ. Съ со-
вязи, кромѣ нужнаго количе-
ства анта и фуража, одну па-
лаву, три кайлы, три же-
лопатки, вашгертъ — очень-
машину — наклоненную пло-
щадку досокъ съ окантовкой
для того, чтобы то, что
плоскости положить, не упа-
ли желѣзныя трубы или колѣна
ливной машины, золотопромы-
шленную щетку (она обыкновенно
дѣлается вполтину противъ плати-
ны) и составляется изъ длинной крѣп-
кой щетины) и еще кой-какія мело-
чи. Все это мы ввезли и навьючили
на лошадей и съ разсвѣтомъ отправи-
лись въ дорогу.

— Предупреждаю васъ, говорилъ
мнѣ управляющій: — это дѣлается,
извините за выраженіе, чтобы васъ
потѣшить и удовлетворить ваше любо-

пытство и желаніе сдержать слово.
Дѣльнаго изъ этой экспедиціи врядъ
ли что можетъ выйти: въ два дня
пятью человѣками немного надѣла-
ешь. Для васъ, однакожь, это будетъ
полезно: вы ознакомитесь съ дѣломъ;
васъ будетъ побуждать то обстоятель-
ство, что это для васъ свое, а не чу-
жое.

— Вотъ я вамъ и про себя скажу,
продолжалъ онъ далѣе на мои вопро-
сы, когда я разговорами хотѣлъ сокра-
тить время и прогнать скуку неприя-
тнаго путешествія.—Когда я былъ сна-
чала на приискахъ, я получалъ-себѣ
тысячонки три рублей ассигнаціями жа-
лованья, при всемъ готовомъ содержа-
ніи; ну, и смотрѣлъ, разумѣется, чтобы
все шло хорошо; а отъ-чего тутъ такъ
было, а тутъ вотъ этакъ—мнѣ и въ го-
лову не приходило подумать. Дѣло и
безъ того въ тайгѣ намаешься и радъ-
радѣхонекъ, когда прійдетъ десятое
сентября, время, когда всякія заботы
о чужомъ дѣлѣ можно вонъ изъ голо-
вы выкинуть. Кончишь здѣсь всѣ
дѣла и прощаешься съ тайгой до бу-
дущей весны. Выѣду, бывало, въ рези-
денцію, да чѣмъ бы тутъ же ловить ра-
бочихъ да вербовать ихъ къ себѣ для
будущаго лѣта, ѣду въ городъ отды-
хать послѣ трудовъ, а наемку рабо-
чихъ предоставляю прикащику. Ужъ
конечно, пройдетъ не безъ того, чтобы
прикащикъ меня не надулъ: и въ про-
гонахъ выставитъ лишнее, и въ содер-
жаніи лишнее, и въ угощеніи лишнее,
и лишнее покажетъ на волостныхъ пи-
сарей или на другіе такъ-называемые
у насъ «непредвидимые расходы»,
очень, между нами будь сказано, пред-
видѣнные. Послѣ все это и обнаружит-
ся, можетъ-быть, да ужъ поздно, не
поправишь: и прогналъ бы мошенни-
ка, да парень-то онъ у меня дѣловой...
Гдѣ грѣха не бываетъ! Прійдетъ вре-
мя хлѣбъ закупать, а то же самъ къ
мужику не поѣду. Я, какъ бы то ни
было, все-таки «его благородіе» и съ
крестьяниномъ или съ какимъ-нибудь
еще ссыльнымъ калякать да съ ко-
пейки на копейку переколачивать и

торговаться мнѣ не приходится — я опять прикащика посылаю. Этотъ тоже не пропустить случая въ прогонахъ и въ содержаніи приписать малую-толику, да еще съ мужикомъ стачку сдѣлаетъ: съ пуда по гривнѣ, по другой напишетъ лишняго въ контрактъ, да къ себѣ въ карманъ положить. Я и тутъ не привязывался: не стоить, молъ, изъ мелочи; и то еще спасибо, что хлѣба въ долгъ закупили: вѣдь у насъ рѣдко на чистыя деньги покупаютъ. А сколько такихъ случаевъ въ году перебываетъ?—*множество!* Тутъ и инструменты, и канцелярія, и снасти, и сахаръ, и холстъ... чего-чего нѣтъ! Отчетовъ ховяину, бывало, тоже не хочется самому составлять: такъ, маленько поищешь, а главное все и поручишь прикащику посмышленѣе. Смышленый прикащикъ стакнется съ матеріальнымъ: товарцу разнаго припрятуетъ себѣ тихомолкомъ, да и выведутъ въ расходъ по книгѣ. Такъ и другое-прочее, особенно по провіантской да по комиссаріатской части. По отчету-то приходишь съ расходомъ копейка въ копейку, ни въ одной статьѣ ни сучка, ни задоринки, а сообразишь хорошенько, посмотришь — тысячи-другой и нѣтъ!

— Да чего жъ вы-то смотрѣли, спросилъ я съ изумленіемъ:—вѣдь вы сами отчеты подписывали?

— Самъ подписывалъ, но подписывалъ зря, что грѣха таить! Да я не могъ и вообразить, чтобы тихій, скромный, непыющій молодой парень осмѣлился подумать обмануть меня. Провѣрять отчетъ мнѣ бывало все некогда, потому-что и на это нужно столько же трудовъ и времени, сколько на самое составленіе отчета.

— А ховяинъ?

— Да что ховяинъ? Тоже просмотрить! Провѣрить итоги, и дѣло съ концомъ: благо барышъ есть!

— По-крайней-мѣрѣ, компаньоны вашего хозяина замѣтятъ обманъ?

— Гдѣ компаньонамъ замѣтить! и трудно, и тяжело, и надо знать сно-

ровку, да врядъ ли они и видятъ когда отчеты.

— Но куда жъ ваши составители отчетовъ дѣлаютъ въ дѣсу то, что они излишне выставятъ по книгамъ?

— Было бы что, а куда? — какъ не найтн мѣста! Мало ли сосѣдей: за полцѣны многіе съ благодарностію купятъ. Если же такого случая не будетъ, то при слѣдующей ко мнѣ доставкѣ клади или при закупкахъ, лишекъ этотъ мнѣ же на счетъ поставятъ: дѣло выйдетъ еще выгодиѣе. Разумѣется, что эти продѣлки я не съ разу понялъ. А когда понялъ, то смотрѣлъ на это какъ на неотвратимое зло. Надобно было прогнать всѣхъ прикащиковъ и замѣстить выбылыми мѣста новыми людьми. И тутъ бѣда! Человѣка новаго въ дѣлѣ надлежало учить всему и шагъ за шагомъ опасаться какихъ-нибудь важныхъ опущеній; а набирать прикащиковъ изъ бывалыхъ людей—значило опять снять себя и быть готовымъ на плутовства и обманы, потому-что люди ко всему уже присмотрѣли.

— Не-уже-ли же у васъ такъ общее направленіе? Не-уже-ли «прикащикъ» у васъ одноизъ словами «довкій мошенникъ»?

— Я самъ такъ сначала думалъ слава Богу, мысли мои обрѣмѣнились къ лучшему, и к какому случаю: за одно отчетное открытіе, которымъ мнѣ удалось жить своему хозяину, я двойной окладъ жалованья въ компаніи. Барыши и жалованья эти барыши всевозможными способами заставили меня, а собственной моей пользы, ближе притрѣться къ дѣлу и позаботиться о кращеніи расходовъ. Я сталъ держать прикащиковъ втрое меньше, чѣмъ прежде, сталъ имъ вдвое дороже платить, сталъ строго наблюдать за всѣми книгами, самъ сталъ дѣлать заповоряды, составлять отчеты по упрощенной методѣ безъ всякихъ запутанностей — и что жъ вы думаете? На первый же годъ расходы на все уменьшились де-

сатью процентами при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, а что касается до непредвидимыхъ издержекъ, то у меня ихъ, почитай, вовсе не бываетъ. Я теперь душа всего дѣла, знаю его самъ что-называется досконально и не могу нахвалиться своими помощниками-прикащиками. Я ихъ держу въ рукахъ, слѣжу за всеми ихъ дѣйствіями, обращаюсь съ ними кротко, честно, учтиво, взыскиваю или награждаю ихъ съ самою строгою справедливостію, не подаю повода ни къ какимъ соблазнамъ, введя во всемъ гласность — и тотъ, кто прежде безсовѣстно, бывало, меня обчитывалъ, старается теперь заслужить особенное мое вниманіе аккуратностію, трудолюбіемъ, честностію и благороднымъ характеромъ, зная, что теперь никакъ нельзя худыхъ концовъ схоронить въ воду и что тотъ ли, другой ли, заговорять громко и указать на нечѣрнаго слугу пальцемъ. — Такъ вотъ оно каково! И выходить, что все зло не отъ прикащиковъ, а отъ нашей братіи, отъ управляющихъ: вотъ гдѣ корень всего!

«Это такъ же, какъ и во всемъ и вездѣ» продолжалъ словоохотливый мой собесѣдникъ. «Вы понимаете, на-примѣръ, что значитъ слѣдователь? Вы знаете, что это корень праваго суда? Точно такъ и въ нашемъ быту. Управляющій — это такая голова, по дудкѣ которой пляшутъ всѣ остальные члены. Захочетъ управляющій изъ какихъ-нибудь вилловъ доказать, что приискъ его хозяевъ бѣденъ — рабочіе никакъ не добудутъ ни крохи золота. Захочетъ онъ одурачить своихъ довѣрителей богатствомъ пріобрѣтеннаго имъ прииска — пробы золота будутъ у него самыя богатые. Въ первомъ случаѣ, онъ поведетъ работы пустыми мѣстами и станетъ мыть одну землю; а въ последнемъ случаѣ будетъ скупать воровское золото у сосѣдскихъ рабочихъ! Это просто самовластный предсѣдатель палаты, который дополнительными справками и разнаго рода переслѣдованіями можетъ затмить дѣло и дать ему направленіе, какое его

душѣ захочется. Вотъ я вамъ кстати расскажу одинъ случай, бывшій лѣтъ сорокъ назадъ, который я слышалъ отъ покойнаго батюшки и который доказываетъ, что значитъ умѣть повернуть дѣло.

«Былъ у насъ, какъ водится, судья и жилъ еще одинъ купецъ. Купецъ этотъ былъ не то, чтобы въ-самомъ-дѣлѣ купецъ какой-нибудь, а такъ, просто состоялъ по гильдіи и чуть ли еще не по первой. Заниматься чѣмъ-нибудь торговымъ — онъ не занимался, а откуда деньги пріобрѣлъ — Богъ его вѣдаетъ: изъ людей никто заподлинно того не зналъ, потому-что онъ поселился къ намъ недавно, переписавшись изъ инородныхъ, и ни съ кѣмъ ни короткаго, ни даже близкаго знакомства не водилъ. Ходили только темные слухи, что былъ онъ прежде караваннымъ извозчикомъ, то-есть, по большимъ дорогамъ чужіе чай возилъ на своей телегѣ, а тамъ вдругъ неожиданно разбогатѣлъ. Рассказывали даже, что онъ сынъ какого-то каторжнаго, вынужденнаго, по окончаніи урочнаго термина, на вольное пропитаніе. Вотъ разбогатѣлъ онъ, да и женился этакимъ манеромъ въ другомъ городѣ на такой смазливой дѣвушкѣ, что на рѣдкость и поискать. Такая была благословленная, сама корпунса, матѣра — ну, просто козырь-баба. Самъ онъ старъ былъ, жена-то молода — вотъ дѣло и вышло неладно. Говорятъ, однако, что мужу это только померещилось. Ну, такъ ли, не такъ ли, а совѣта да любви, стало, имъ Богъ не далъ. Началъ онъ ее бѣдную жѣстко бить да мучкарить, а она, горемычная, стала чахнуть да чахнуть, да съ горя и пріучилась испивать хмѣльнаго, а какъ наглозвится (т. е. шибко напьется), такъ во хмѣлю, бывало, и убѣжить изъ дому, никто не знаетъ куда. Мужъ былъ челоуѣкъ пресердитый, съ лица такой страшный, черные волосы стоймя, глаза налились кровью, говорить — словно реветъ изъ бочки. Лишь-только бѣдняжка явится домой съ повинною и падетъ мужу въ ноги,

онъ вѣднѣлся ей въ косу и начнеть таскать по полу: если, говорить, только пикнешь, въ вѣкъ не прощу, замучу тебя до смерти! Бился онъ съ ней такимъ манеромъ долго, а отъ хмѣльнаго да отъ дурнаго никакъ ее отъучить не могъ. И она-то, сердечная, чего только отъ него не натерпѣлась. То онъ ей щеку прокусить зубами, то исщиплетъ всю грудь, то согнетъ объ нее кочергу, то бичикомъ (кнутомъ) всеё ее исхлещетъ: по суткамъ безъ памяти лежала — а все переносила. Наконецъ, и ей не въ мого-ту стало: задумала она разомъ покончить всѣ муки и стала оттачивать ножъ — себѣ или мужу — никто не знаетъ. Недолго мысли эти были у нея въ головѣ: мужъ поймалъ ее на дѣлѣ. — «А вариачка (1)» сказалъ онъ: «ты меня пожомъ хочешь шоркнуть — я же тебя теперь доконаю!». Онъ снялъ у нея съ шеи мѣрку, пошелъ къ кузнецу и заказалъ ему ошейникъ, будто-бы для собаки, а цѣпь велѣлъ сдѣлать покороче. Чтò послѣ этого было — страсти и подумать. Наконецъ, не дальше, какъ черезъ недѣлю *стряпка* (кухарка) была *ночѣсь* разбужена ужасными сто-нами, которые раздавались изъ хозяйской спальни. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, выбѣжалъ хозяинъ блѣдный, съ выкатившимися глазами, схватилъ корыто, утащилъ его къ себѣ, наносилъ самъ воды и заперъ дверь въ сѣнцы на крючокъ, не сказавъ ни слова лежавшей тутъ работницѣ. Баба-то была смиренная; рѣвъ да стонъ хозяйки были ужъ ей въ привычку; такъ убѣдись, что въ комнатахъ все давно замогло, она перевернулась на другой бокъ и крѣпко проспала всю ночь. Къ утру все было прибрано — корыто стояло на своемъ мѣстѣ, купецъ спокойно сидѣлъ за самоваромъ, а *стряпка* все еще спала. Наконецъ,

она проснулась и, боясь угрозы хо-зяина, вошла къ нему въ комнату. «*Чай съ сахаромъ*», батюшка Еремѣй Захаровичъ» сказала она, привѣтствуя его выраженіемъ въ родѣ нашего хлѣбъ да соль! «Виновата, отецъ мой, — заспалась!... А гдѣ жъ хозяйшукъ?» — «Хозяйка приказала долго жить, Акимья! Пи вѣсть ударъ, ни вѣсть чтò — скончалась!» отвѣчалъ купецъ съ печальнымъ видомъ. «Вонъ она ле-жить, голубушка!» — Бѣдная страда-лица лежала ужъ не въ спальнѣ, а въ другой комнатѣ на двухъ раздвину-тыхъ столахъ. Пестрый *очипокъ* былъ накутанъ на всю голову покойницы, надвинуть ей на самыя брови и совершенно закрывалъ лобъ и виски. *Шаль* (т. е. шейный платокъ) была надѣта на мертвое тѣло сверхъ прочаго платья и поддернута подъ самый подбородокъ; остывшія руки были переваза-ны *рукотеркой* (ручничокъ, подотен-цо). Съ грѣхомъ пополамъ удалось таки ему похоронить жену, какъ слѣ-довало. Кажись бы и концы въ воду? Такъ иѣтъ же: праведный Богъ не до-пустилъ этого. На другой же день по-слѣ похоронъ, на кладбище наѣхали власти, раскопали могилу, вынули гробъ и начали осмотръ трупа... Во-образите вы себѣ варварскую жесто-кость челоувѣка! У бѣдной женщины голова была проломлена, виски изъ-явлены, все тѣло въ синякахъ, и въ добавокъ ко всему — найденъ мышьякъ въ желудкѣ. Кажется, дѣло ясно? От-крыто, что мужъ самъ обмывалъ по-койницу, самъ одѣвалъ ее наединѣ; нашли палочку, въ руку толщины, ко-торою онъ бивалъ жену, и ошейникъ, за который жена была прикована въ спальнѣ — такъ по-крайней-мѣрѣ въ го-родѣ всѣ говорили... Но чтò жъ бы вы думали?... Э! да вотъ и Малый-Тюхтетъ, проговорилъ весело раска-щикъ, перемѣнивъ тонъ своего раска-за.

— Вѣрно намъ теперь ужъ близко? спросилъ я съ участіемъ, потому-что порядочно утомился.

— Однако, не знаю, отвѣчалъ управ-

(1) *Вдрникъ*, *варидкъ* — воръ и мазу-рикъ — самая вышшая и самая обидливая брань въ Сибири. Ни природный Сибирякъ, ни поселедецъ не могутъ ее равно-душно перенести.

ляющей, начиная рѣчь, какъ сибирскій простолюдинъ, словомъ «однако».
— Не худо бы теперь остановиться да пообѣдать. Ну-ка, ребята, разсѣдывай да мигомъ разводи костеръ!

— Чѣмъ же дѣло убійцы кончилось?

— Ну, что объ этомъ толковать! Бросьте! Впрочемъ, этотъ судья давнымъ-давно умеръ — Богъ разсудитъ это дѣло на томъ свѣтѣ!

Расположившись на берегу рѣчки для отдыха, мы занялись сначала чаемъ, потомъ вкусно пообѣдали, сколько это позволяли скитальческія наши обстоятельства и мѣстныя удобства, и совершенно забыли о трагическомъ разсказѣ, навѣявшемъ сначала на насъ самыя грустныя мысли.

Поднявшись снова въ дорогу, мы стали бродить по Малому-Тухтету, въ мѣстахъ, гдѣ не было уже никакой дороги, ни даже тропинки. По правому берегу замѣтили мы впаденіе нѣсколькихъ ключей большихъ и малыхъ: это все были «Безымянки». Которая же наша-то? — Одинъ ручей мы выбрали наудачу: течетъ онъ довольно широко и, въ случаѣ нужды, можетъ носить названіе рѣчки. Не это ли наша Безымянка? Попробуемъ что Богъ дастъ!

Мы поднялись вверхъ по этому ручью и по лѣвому его берегу замѣтили затеси на деревьяхъ.

Когда рабочіе идутъ въ поиски и вступаютъ въ мѣста, до-тѣхъ-поръ имъ или предводителю ихъ неизвѣстныя, — они, чтобъ выйти отсюда цѣлыми и невредимыми на прежнюю дорогу, не своротить въ сторону и не заблудиться, дѣлаютъ на тѣхъ деревьяхъ, мимо которыхъ проходятъ, зарубки — однимъ взмахомъ топора стесываютъ бересту съ корой и такимъ-образомъ обозначаютъ путь, которымъ проходили. Это и есть *затеси*; иногда они дѣлаются по обѣ стороны прокладываемой въ первый разъ тропы, иногда съ одной только правой стороны.

Этими затесами, единственными указателями дороги Богъ-знаетъ куда — въ огромной лѣсной пустынѣ, пе-

рерѣзанной отрогами высокихъ горъ, мы шли долго и не встрѣчали; разумѣется, ни одной души человѣческой. За то бурундуки, это юрливое животное, поминутно шмыгали подъ ногами нашихъ лошадей, которыя съ трудомъ тащились по сырой, болотистой почвѣ, протираясь сквозь разросшійся кустарникъ и пролѣзая между стволами деревьевъ, близко другъ отъ друга росшихъ. Пугливыя бѣлки съ шумомъ и пискомъ быстро взбирались по деревьямъ, иногда почти подъ самымъ нашимъ носомъ, такъ-что ихъ, казалось, не трудно было рукой переловить. Черные соболи по-временамъ обращали на себя завистливое вниманіе наше своимъ роскошнымъ мѣхомъ и такъ часто пробѣгали мимо насъ, что управляющій не разъ приостанавливался, чтобъ схватить у конюха ружье и прицѣлиться въ дорогаго звѣрка. Но всѣ попытки его ограничивались однимъ желаніемъ: соболекъ быстро мимо насъ промчится, юркнетъ и пропадетъ въ кустахъ, или подъ кочкой. Передовыя лошади, время-отъ-времени убавляя шага, иногда совсѣмъ останавливались, чутокъ поводили ухомъ, надували ноздри и, понявъ, что тутъ нѣтъ никакой опасности, спокойно продолжали дорогу. Но когда онѣ, останавливаясь неожиданно, наостраивали уши, пятились назадъ, тряслись и тяжело дышали, тогда мы понимали, что намъ угрожаетъ близкое и непріятное соседство медвѣдя, слѣды котораго безпрестанно намъ попадались. Въ одномъ мѣстѣ, въ сторонѣ, на горкѣ, одинъ изъ рабочихъ замѣтилъ какъ самъ, сама и *пустунг* спустились въ долину. Однакожъ, не смотря на мѣстную пословицу: «тотъ въ тайгѣ не бывалъ, кто медвѣдя не встрѣчалъ», у насъ встрѣчи съ нимъ близкой не было, хотя мы и были къ ней готовы: длинный ножъ и два двухствольныя ружья, заряженныя жеребежьимъ, очень-хорошо знавшимъ, что здѣсь рѣдко обходится безъ столкновенія съ лѣсными

непріятелемъ — правда, тихимъ и незадорнымъ, но съ которымъ все-таки не слѣдуетъ быть на короткой ногѣ.

Время быстро шло впередъ, а мы тихо подвигались по образу пѣшаго хожденія, сойдя съ коней не столько изъ сожалѣнія къ бѣднымъ животнымъ, сколько для того, чтобъ промѣяться самимъ хорошенько и развиграть кровь въ онѣмѣлыхъ членахъ. Мы упражнялись здѣсь въ лазаніи и перелазываніи по сваленнымъ бурями деревьямъ, въ свачкахъ и прыжкахъ по болотамъ и кочкамъ лучше, чѣмъ въ любой гимнастической залѣ. Къ счастью нашему, было облачно и прохладно: дождь насъ не мочилъ и солнышко не пекло; одни только комары и мошки не давали намъ ни на минуту покоя, коль-скоро мы позволяли себѣ снѣть сѣтки.

Вечерѣю; но мы все еще безутѣшно бродили, не видя конца нашему пути, устали, измучились и ни слова уже другъ съ другомъ не говорили, изрѣдка развѣ перекидываясь немногими словами о томъ, что наша шурфовочная партія отличается отъ партіи поисковой только мѣньшимъ количествомъ народа и лошадей и тѣмъ, что мы пошли бродить сюда на опредѣленное, краткое время, между-тѣмъ, какъ поисковая партія уходитъ въ тайгу на цѣлое лѣто и подвергается всѣмъ опасностямъ странствованія въ мѣстахъ невѣданныхъ и непріятностямъ не сдѣлать никакого открытія; что здѣшнія окрестности мало обследованы и представляютъ обширное поле надеждъ для предприимчивыхъ искателей; что недалеко отсюда есть дорога, конечно таежная же, на западъ черезъ Абаканъ и черезъ всю томскую тайгу въ Барнаулъ, а на востокъ въ Канскій Округъ и на бирюсинскіе золотые промыслы, и что мы теперь не далѣе, какъ въ сорока или въ пятидесяти верстахъ отъ китайской границы.

Граница здѣшняя между Россією и Китаемъ опредѣлена еще въ 1727 го-

ду (2) и обозначена особенными знаками въ слѣдующихъ мѣстахъ:

- 1) На хребтѣ Эргин-Тарган-Тайга на вершинѣ рѣчки Уса, близъ рѣчки Кызымеды;
- 2) На правомъ берегу Уса;
- 3) На хребтѣ Хонин-Дабага;
- 4) На устьѣ рѣчки Кемкемчика-Бомъ и
- 5) На хребтѣ Шабин-Дабага.

Наши пограничные знаки состоятъ изъ большихъ крестовъ; китайскіе — изъ высокихъ столбовъ, обложенныхъ камнями.

Границы эти постоянно три раза въ годъ осматриваются нашими пограничными казаками съ сосѣднихъ форпостовъ и китайскими властями вмѣстѣ, въ одно время. Тутъ они сходятся другъ съ другомъ и при исполненіи своей должности начинаютъ officialный разговоръ, почти всегда одного и того же содержанія:

— Будь здоровъ! говорить китайскій предводитель ватаги турецкаго поколѣнія, кочующаго по-ту-сторону Саянскихъ-Горъ.

— Спасибо, спасибо! Я здоровъ, слава Богу! А твое какъ здоровье? говорить нашъ дозорщикъ.

— Я тоже здоровъ! Всегда здоровъ! А ты? Всегда ты здоровъ?

— Я всегда здоровъ; будь ты здоровъ!

— Я здоровъ!... А хорошо ты доѣхалъ? спрашиваетъ Китаецъ.

— Я хорошо доѣхалъ. А ты хорошо ли доѣхалъ?

— Я тоже хорошо доѣхалъ. Веселый былъ путь! А тебѣ каковъ путь былъ?

— Мнѣ путь былъ тоже хорошъ!

— Ну, и мнѣ былъ путь хорошъ.... Я радъ, что тебя вижу! продолжаетъ Китаецъ.

— И я радъ, что тебя увидѣлъ, отвѣчаетъ казакъ.

— Ну, что у васъ новаго? Бѣлый царь вашъ здоровъ ли?

(2) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи № 3489.

— Государь нашъ, благодаря Господа Бога, живъ и здравъ благополучно, говоритъ казакъ, снявъ шапку и сотворя крестное знаменіе.

— Ну, я очень-радъ, очень-радъ, что онъ живъ и здравъ благополучно, отвѣчаетъ представитель Небесной Имперіи. — А скажи мнѣ, Русскій, весь ли домъ его здоровъ?

— И царица здорова, и наслѣдникъ здоровъ, и весь домъ его здоровъ, отвѣчаетъ чистый Русакъ.

— Ну, что вашъ бѣлый царь подѣлываетъ? Что у него новаго?

— Да нашъ батюшка царь-государь вѣчно въ трудахъ и въ заботахъ. У батюшки-то у нашего хозяйство-то, вишь ты, больно велико: изъ конца въ конецъ въ годъ на рыскахъ не проѣдешь... А новаго у него то, что Богъ ему внука далъ!

— Какъ такъ? Не-ужь-то вашъ бѣлый царь дѣдомъ сталъ?

— Да такъ! Вѣрно, дѣдомъ сталъ! Вотъ къ намъ вынче недавно вѣсть пришла, что старшему царевичу Богъ послалъ сына. Мы всѣ Богу молились!

— И я буду молиться, отвѣчаетъ Монголъ:—и я буду за него молиться! Нашъ великій государь всей подсолнечной вашего великаго блага царя очень любитъ и большую съ нимъ дружбу ведетъ. И мы его любимъ. Дай Богъ ему счастья! Ну, прощай, прощай! Кланяйся ему отъ меня! Скажи ему, что я здоровъ и ему здоровья желаю.

— Ну, прощенья просимъ — будемъ кланяться! А вы кланяйтесь своему богдохану, говорить представитель Россіи представителю Китая.

— Смотри жъ, не забудь!

— Нѣтъ, не забуду, не бойсь!... И ты, смотри, не забудь!... А вотъ тебѣ за любовь да за дружбу подарочекъ.

Затѣмъ Русскій съ Китайцемъ мѣняются подарками и, окончивъ officialный осмотръ—не взирая на прощанья, слѣзаютъ съ коней и начинаютъ гулять какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, затеси привели насъ къ устью ключика, который сочился въ

небольшой ручеекъ. У самого устья стояла одинокая сосна; на стволѣ ея, прямо передъ глазами, мы замѣтили широкій вырубъ съ вырѣзанными буквами З. Е. П. 1840. Наконецъ, мы достигли дѣли своего путешествія!

Осмотрѣвшись хорошенько и пройдя вдоль и поперекъ всю долину, мы убѣдились, что это именно тотъ приискъ, который мы искали: долина довольно-круто шла въ гору и простиралась до вершины не болѣе, какъ на три версты; дѣсь росъ именно тотъ, который показанъ въ заявкѣ; мы нашли даже и шесть шурфовъ — три по правую сторону теченія ключика и три по лѣвую. Но особенностей какихъ-нибудь, то-есть, чего-нибудь такого, что намекало бы непосвященному въ таинства геологіи, что вотъ тутъ-то и есть золотая розсыпь, здѣсь на мои глаза не было: долина какъ долина; съ обѣихъ сторонъ горы, по узенькому каменистому ложу струится потокъ — и только.

— Такъ это приискъ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Видно—такъ, отвѣчалъ управляющій.

— Тутъ золотая розсыпь?

— Это еще Богъ-знаетъ! Теперь-то и нужно пошурфовать, чтобъ узнать, есть ли тутъ золото.

— Я васъ не понимаю, замѣтилъ я своему ментору: — какъ же можно сомнѣваться, когда доказано, что это золотой приискъ?

— Ну, это долгая исторія! А вотъ мы лучше развѣчимся, разведемъ костеръ, раскинемъ палатку, закусимъ, выпьемъ хорошенько, а тамъ ужъ и будемъ толковать про золото.

Такъ мы и сдѣлали. На слѣдующее утро, мы были разбужены страшною грозою и преливнымъ дождемъ, который до самаго полудня лилъ на насъ непрерывно. Не смотря однакожъ на это, мы съ самаго утра задали рабочимъ урокъ.

Для этого управляющій выбралъ мѣсто близъ крутой извилины ручья въ томъ предположеніи, что тутъ бо-

лѣе прибоя воды, болѣе упора ея на стѣны ложа и, значить, тутъ должно быть болѣе скопленія золотыхъ частицъ въ наносахъ, если только тутъ были золотыя частицы. Поставили четырехъ человекъ и отифрили имъ квадратную сажень земли.

Я успѣлся тутъ же и думалъ, что вотъ-вотъ золото такъ и посыплется. Не тутъ-то было: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается!

Рабочіе обнажили землю отъ дерна и густой травы, которою она заросла, и стали копать сначала однѣми лопатками. Сперва шла пустая порода, turfъ, растительная земля. Ее рыли усердно и сбрасывали на стороны шурфа. Прошелъ часъ, другой времени; прошло и три и четыре часа — все еще рыли землю какъ могилу. Наконецъ, пришло время обѣда; земля стала измѣнять наружный видъ — стала переищиваться съ глиной, а все еще не было видно конца утомительной работы.

Отдохнувъ часа два, народъ снова принялся за свои орудія.

Распѣвая пѣсни и рассказывая другъ другу разныя прибаутки, люди эти, казалось, были чужды всякой усталости. Съ какимъ умѣньемъ захватывали они полныя лопатки turfовъ, бодро вскидывали ихъ къ верху ямы и одинъ передъ другимъ наперерывъ старались перецеголать товарища, углубляясь далѣе и далѣе внизъ. Работа кипѣла въ ихъ рукахъ. Весело было смотрѣть на эти крѣпкія натуры, когда, стоя по нѣсколько сряду часовъ почти по колѣно въ водѣ, скопившейся въ ямѣ, и время отъ времени утирая жидистою рукою струившійся по лицу потъ, они дружнымъ ударомъ ногъ вонзали острія лопатокъ въ окрѣпшую глину и въ одно мгновеніе вскидывали огромныя ея глыбы на поверхность, нисколько не скупая однообразіемъ и тягостію труда.

— Лихой народъ! сказала я управляющему, отходя отъ шурфа съ напраснымъ ожиданіемъ.

— Золото, не народъ! одинъ за десятыхъ работаетъ!

— Впрочемъ, они выросли на земной работѣ — тутъ, я думаю, нечему удивляться.

— Э, нѣтъ! Напрасно вы такъ думаете. Сегодня онъ славный землекопъ, вчера онъ былъ славнымъ конюхомъ, завтра онъ будетъ у меня славнымъ плотникомъ, а послѣ-завтра я прикажу ему работать въ кузницѣ. Чтò вы ему ни дайте въ руки, только бы онъ успѣлъ приглядѣться — все сдѣлаетъ отлично: землю ли копать, топоромъ ли ладить, мыть ли золото или стрѣлять въ цѣль — все онъ сдумаетъ сдѣлать. А какими молодцами смотреть! Какъ они неустоймы, безстрашны!... да съ однимъ полкомъ такихъ лихачей можно разгромить все китайское царство... если кабаковъ не будетъ по дорогѣ!

— А что?

— Да сгубило ихъ вино!

— Но вѣдь это общій порокъ русскаго мужика: Руси есть веселіе пить — не можетъ безъ того быть! Но я думаю, не здѣсь надо искать корня зла, а говорить, ихъ избаловали золотые пріиски, хотя тутъ вовсе нѣтъ кабаковъ?

— Да какъ вамъ сказать? Все тутъ вмѣстѣ такъ перепуталось: и пріиски, и вино, и промышленники, и нужда, и плохое сознаніе долга — словомъ, разныя такія обстоятельства сошлись, что и не разберешь, кто тутъ правъ, кто виноватъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ управляющій, подумавъ немного. — Есть у насъ законъ (3), чтобъ ссылочному, при расчетѣ его съ пріиска, не выдавать всѣхъ заработанныхъ имъ денегъ сполна на руки, а отсылать ихъ съ избраннымъ общимъ довѣріемъ артельнымъ старостомъ въ волостное правленіе. Это сдѣлано въ благихъ видахъ, чтобъ рабочіи не прогулялъ

(3) Примѣчаніе къ 2403 статьѣ Св. Зак. Уст. Горн. Т. VII (изданія 1842 г.)

трудоу копейки дорогой, а имѣлъ всѣ способы употребить ее въ дѣло и обзавестись хорошенько хозяйствомъ дома, въ своей деревнѣ, куда онъ осенью возвращается изъ тайги. Законъ этотъ, къ несчастію, на золотыхъ прискахъ рѣдко исполняется по разнымъ причинамъ, а главное потому, что всякій боится подать собою первый этому примѣру, будучи убѣжденъ, что къ подобному исполнителю закона во вѣки вѣковъ ни одинъ ссыльный не пойдетъ въ работу... ну, а однихъ мѣщанъ да крестьянъ на всѣ приски не наберешься! Хозяева присковъ боятся этого, и десятиаго сентября, рассчитываясь до чиста со всѣми рабочими, они и ссыльному выдаютъ всѣ деньги на руки. Иной вынесетъ рубль, иной и нѣсколько сотенъ, смотря по обстоятельствамъ, особенно, когда боленъ не былъ, да на богатомъ прискѣ часто «старался», то-есть, кромѣ урочной работы занимался старательскою, сверхштатною: тутъ ужь, кромѣ мѣсячнаго жалованья, платятъ опредѣленную и очень-порядочную сумму—два съ половиной и три рубля, конечно, ассигнаціями, за каждый золотникъ добытаго на такой работѣ золота. Нынче, впрочемъ, цѣны эти подняты: въ случаѣ нужды, платятъ полтора и два рубля серебромъ.

«Вотъ, пришедъ съ денежками за цѣлое лѣто тяжкихъ трудовъ въ резиденцію, или въ городъ, или просто въ деревню, бывший рабочий, непоклонившійся все это время ни Бахусу, ни Венерѣ, на первомъ же шагу соблазняется запахомъ зелена-вина, привѣтливый кровомъ питейныхъ домовъ и самымъ отчаяннымъ разгуломъ своей братіи. Мѣста эти—извѣстныя: въ Томскомъ-Округѣ—село Тюсюль и Кія, въ Ачинскомъ—городъ Ачинскъ, у насъ въ Минусѣ—Каратузъ и Минусинскъ, въ Енисейскомъ-Округѣ—село Рыбное на Ангартъ, Стрѣлка—при устьѣ Ангарты въ Енисей, городъ Енисейскъ, деревня Назимова по дорогѣ отсюда въ Красноярскъ—и мало ли сколь-

ко другихъ мѣстъ! Торопясь скорѣй свидѣться съ семействомъ, добрый мужичокъ сперва и не подойдетъ къ мѣсту общаго сборища. Но прифрантившись въ бархатную куртку, плісовые штаны и узорчатую шапку, которые продаетъ ему въ три-дорога странствующій офенинъ, и желая прихвастнуть и помолодечествовать передъ пріятелями да пріятельницами, онъ будетъ прогуливаться по главной улицѣ селенія, но все еще не войдетъ въ пропитанныя виннымъ запахомъ хоромы. Его будутъ звать короткіе знакомые—онъ и ихъ не послушаетъ, вспомнивъ, что дома жена и дѣти сидятъ, можетъ-быть, безъ куска хлѣба и ждутъ его какъ ангела-хранителя. Но вся его стойкость и прекрасныя мечты о домѣ скоро разлетаются подъ отуманивающимъ вліаніемъ немолкаемыхъ пѣсень, общаго разгула, насмѣшекъ товарищей и собственной наклонности—гульнуть во всѣ лопатки хоть одинъ разъ въ жизни безъ помѣхи: была не была! гуляй душа на распахку! Начинается съ того, что слабый челоуѣкъ выпьетъ маленько. Вино не пьяно: онъ хватить еще, еще... ну, опьянѣетъ наконецъ! Нѣтъ, вѣдь мало: давай еще пить—и напьется! На другой день голова трещить—нельзя, чтобъ не опохмѣлиться; къ вечеру глядь—онъ опять нарѣзался, или, какъ у насъ говорится, *намульндася*. На третій день онъ въ совершенномъ азартѣ и дуритъ такъ, что за него страшно: разбиваетъ цѣлыя бочки вина, требуетъ шампанскаго, по бѣленькой ассигнаціи кидаетъ разнымъ барышнямъ на гостинцы, сыплетъ деньги пригоршнями и пьетъ горькую, не помня самъ себя. Посмотришь—аиъ черезъ недѣлю челоуѣкъ настоящей скотиной сталъ, валяется около кабака въ одной рубахонкѣ: онъ и деньги и платье—все пропилъ!

«Вотъ тутъ-то мы ихъ и ловимъ!» продолжалъ управляющій, понизивъ голосъ, забывъ свою роль простаго разскащика и становясь по-прежнему

человѣкомъ по золотой части: "тутъ-то мы ихъ и хватаемъ! Стережемъ ихъ какъ птичку дорогую, изъ виду не упускаемъ и наконецъ налетаемъ на нихъ съ задатками: больше бѣленькой рѣдко случится дать на брата; а то красненькая, или три *пятишки* (пятирублевья ассигнаціи; въ картахъ это означаетъ пятерку; дажь шеститка и пр.)... Тутъ ужъ человѣкъ просто продаетъ себя, на все соглашается, въ кабалу идетъ, только бы теперь ему выиграть маленько да пригрѣть хозяйской шубенкой свое нагое тѣло. Тогда мы отбираемъ у нихъ старыя билеты, даемъ имъ за свою подписью или свидѣтельства, или проходныя на пріискъ, и летимъ въ волостное правленіе перемѣнить эти билеты на новыя, вносимъ въ учрежденную правительствомъ кассу "экономическаго капитала для ссыльных" по полтора рубля серебромъ за каждаго рабочаго, уплачиваемъ за него всѣ подати, заканчиваемъ кой-какія дѣлишки съ многомошнымъ для насъ волостнымъ писаремъ, который въ этихъ случаяхъ играетъ роль чрезвычайно-важную — и вотъ мы обезпечены на будущее дѣло рабочими, затративъ на это довольно-умѣренные капиталы... Попробуй же теперь унестить драгоценное время, время общей попойки; попробуй начать наемку въ февралѣ и въ мартѣ мѣсяцахъ? — самъ волостной писарь врядъ ли чѣмъ помочь сможетъ! Подступу нѣтъ! Или всѣ по рукамъ ужъ разобраны, или требуютъ такія задатки, что страшно на нихъ рѣшиться, не зная навѣрное, дѣйствительно ли рабочій заработаетъ эти задатки, явится ли даже еще онъ къ своему хозяину, или съ фальшивымъ билетомъ пропадетъ такъ, что его и не отыщешь. Если посулишь въ задатокъ меньше ста или полуторыхъ сотъ рублей, мужикъ и говорить не станетъ: шапку на голову и прощай. Значетъ, бѣсія, что по-неволѣ вдвое дашь, потому-что руки нужны."

Я хотѣлъ показать разговорившемуся знатоку, что я не совсемъ же профанъ въ этомъ дѣлѣ и замѣтилъ,

что правилами о золотопромышленности, то-есть закономъ (4), положительно запрещено давать задатки болѣе двадцати-пяти рублей ассигнаціями.

— Мало ли что запрещено! сказалъ со вздохомъ управляющій. — Мы и сами знаемъ, что запрещено и исполняемъ законъ буквально, потому-что у насъ начальство строго за нами смотритъ, да мы вѣдь не такіе же олухи, чтобъ выказывали свои слабыя стороны или позволили другимъ упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь недобромъ. Голь хитра на выдумки, и на все есть своя манера.

— Но вы сами?

— Чтѣ жъ? я и самъ то же дѣлаю, что другіе. Кто Богу не грѣшенъ? Относимся послѣ, а безъ людей намъ нельзя же пріискъ работать... Вотъ видите ли: сказано "не давать задатковъ болѣе семи съ половиной серебромъ"; но это сказано въ-отношеніи ссыльно-поселенцевъ, а мы нанимаемъ инородцевъ, государственныхъ крестьянъ, мѣщанъ и крѣпостныхъ людей изъ великороссійскихъ губерній. Этимъ людямъ мы съ радостію дадимъ пять-сотъ рублей задатка, потому-что увѣрены, что наемщикъ когда-нибудь да выработаетъ эти деньги: иначе мы его не выпустимъ изъ рукъ. Не успѣлъ въ годъ заработать — работай пять, десять лѣтъ! А вотъ ссыльных мы обязаны распустить непременно въ сентябрѣ, а въ южныхъ тайгахъ около октября, и тутъ многіе изъ нихъ возвращаются во свояси, оставшіеся у насъ зазавбранные товары въ долгу порядочныя суммы, а въ общемъ итогъ это составитъ значительныя капиталы. Эти капиталы мы теряемъ не безвозвратно, мы ихъ получимъ послѣ: мы на этотъ счетъ обезпечены, благодаря мѣрамъ начальства; но остаемся въ значительномъ проигрышѣ, во-первыхъ, потому-что ужъ тутъ нельзя, что-называется, на рабочаго сѣсть, да

поѣхать, т. е. закабалить его себѣ со-
вѣтъ; а во-вторыхъ, деньги намъ до-
роги именно въ то самое время, когда
рабочій оставляетъ насъ съ большимъ
заборомъ. А отъ-чего это все происхо-
дитъ? Именно отъ-того, что мы сами
не исполняемъ закона и выдаемъ ра-
бочимъ огромные задатки. Всѣ ихъ
желанія на этотъ счетъ мы удовлетво-
ряемъ такимъ-образомъ: поселенецъ
требуетъ двѣсти рублей задатка—мы
и даемъ ему двѣсти рублей; но чтобъ
не понасть въ ослушничество зако-
ну, въ расчетномъ листѣ рабочего
и у себя по книгамъ отмѣчаемъ, что
такому-то Ивану дано «въ задатокъ»
7 р. 50 к. сер., да тутъ же и приба-
вимъ особой статьей, что «на обувь и
одежду», или просто «на надобности»
выдано ему Ивану 49 р. 65 к. — И вы-
шло по закону! Извольте вы тутъ ули-
чить насъ въ ослушничество!

— Но вѣдь это ужасное зло! — вскри-
чалъ я, открывъ подобное fictio juris
это явное сопротивление благимъ намѣ-
реніямъ правительства улучшить нрав-
ственность преступниковъ самими
вѣрными средствами, успѣхъ кото-
рыхъ доказывается добрымъ поведе-
ніемъ обитателей тѣхъ ссылочныхъ
колоній, которыя раздѣлены дальнимъ
пространствомъ отъ мѣстъ, дышащихъ
воздухомъ золотопромышленности.

— Зло-то оно зло — для кого другаго,
а для насъ благо! Мы дадимъ, если
нужно, сто цѣлковыхъ задатка рабо-
чему, только поди ко мнѣ, батюшка!
Мы простимъ ему всѣ долги, да да-
димъ, пожалуй, еще «въ награду»,
только работай у меня, голубчикъ, а
не у другаго! При всѣхъ трагатахъ, ка-
кіе бы у насъ ни случились, мы всег-
да въ барышахъ останемся. Рабочіе
намъ нужны, и потому при наймѣ мы
поддѣлываемся къ нимъ различными
манерами: и приискъ свой выхваляемъ,
и общаемъ имъ «стараніе» въ бога-
тыхъ мѣстахъ, и увеличиваемъ вдвое и
втрое противъ прежняго плату за ста-
рательское золото, и сулимъ частую вы-
дачу виновныхъ порцій, и тутъ же при
наймѣ подносимъ будущему рабочему

стаканъ трехпробнаго—чего-то не дѣла-
емъ, чтобъ заманить къ себѣ рабочего:
такъ намъ руки нужны! Прииски раз-
велись, размѣры работъ увеличились,
а рукъ все-таки мало! Мы ужъ подка-
рауливаемъ новыя партіи ссыльныхъ;
не успѣютъ они шага ступить въ во-
лость, а у насъ на нихъ и билеты въ
рукахъ—все не достача. Многіе изъ Си-
биряковъ бросили пашни и пошли на
прииски: много пришло крестьянъ изъ
Вятской, едва ли не больше изъ Яро-
славской и Нижегородской Губерній;
нынче вотъ дошло до того, что явился
новый промыселъ: явились барышня-
ки для снабженія насъ людьми изъ
нехлѣбородныхъ имѣній по особымъ
сдѣлкамъ, а все рукъ мало!..

— Пески близко! Рѣчники илутъ!
закричалъ одинъ изъ землекопцовъ.

Мы вскочили съ своихъ мѣстъ и ки-
нулись къ рабочимъ.

До сихъ-поръ, рабочіе работали ло-
патою, легко справляясь съ наносами.
Наконецъ, лопата встрѣтила слой вяз-
кой глины и ила, перемѣшанныхъ съ
множествомъ округленныхъ кусковъ
различныхъ горныхъ породъ и пропи-
танныхъ сыростию. Слои турфовъ пре-
кратились. Работать далѣе одной ло-
патою было невозможно: люди приня-
лись за ломъ и за кайлу—железный
инструментъ въ видѣ остраго длиннаго
молотка, насаженный на палку. Помо-
щію этихъ только орудій можно ко-
пать ямы въ собственно такъ назы-
ваемыхъ пескахъ и здѣсь требуется
болѣе усилія со стороны рабочихъ.

Еще заранѣе пятый рабочій, пе-
правлявшій двѣ должности—кашевара
и промывальщика, сдѣлалъ въ одномъ
мѣстѣ по теченію русла маленькую
плотину, употребивъ для устройства
ея стволы упавшихъ деревьевъ и Zalo-
живъ промежуточные скважины кам-
нями и мохомъ. Онъ приставилъ сюда
свой вашгертъ и приготовилъ все для
промывки будущаго золота.

Управляющій велѣлъ ему попробо-
вать пески, появившіеся вслѣдъ за
рѣчниками. Промывальщикъ нало-
жилъ ихъ въ железное ведро, вмѣ-

щающее въ себѣ обыкновенно около пуда этихъ песковъ и вывалилъ на вашгертъ.

Пустивъ съ плотинки воду, которая легкимъ, ровнымъ слоемъ побѣжала по наклоненной плоскости, промывальщикъ сталъ протирать драгоценную грязь гребкомъ—орудіемъ очень-похожимъ на половую щетку, съ тою разницею, что, вмѣсто щетки, на концѣ длинной палки была насажена тоненькая, длинная соразмѣрной высоты дощечка. Онъ началъ мѣсить ею пески, поднимая ихъ къ верху вашгерта противъ стремленія воды. Вода била на нихъ и обмывала; пески перетирались между собой и освобождались отъ мясцки, вязкаго ила и глины, которыми заключавшіеся въ пескахъ обломки разныхъ камней были со всѣхъ сторонъ облѣплены; мутная грязь гущею стекала съ вашгерта.

Сбросивъ осторожно гребкомъ верхніе камни и пересмотрѣвъ внимательно, вся ли глина отъ нихъ отстала и совершенно ли они чисты, промывальщикъ сталъ продолжать свою работу далѣе, перетирая пески болѣе и болѣе и сбрасывая долой крупнѣйшіе камни. Золото, какъ тяжелѣйшая часть, не могло сплывать вмѣстѣ съ грязью: оно осаждалось на плоскости и должно было обнаружиться подъ конецъ дѣйствія, когда стекающая муть садѣляется прозрачнѣе, гальки, камешки будутъ совершенно сброшены и когда останутся одни шлихи, мелкій песокъ и желѣзистыя частицы.

До сихъ поръ промывальщикъ работалъ стоя, протирая пески гребкомъ на длинной палкѣ.

— Валай!.. Убавь воды! Отбивай! Гляди въ оба! Не спусти! скомадовалъ управляющій промывальщику.

Промывальщикъ уменьшилъ силу стремленія воды по вашгерту тѣмъ, что по всей длинѣ его поперечной закраины наложилъ рядъ маленькихъ камешковъ, возвысивъ такимъ образомъ бортъ, черезъ который вода переливалась. Потомъ онъ усялся на корточкахъ и сталъ внимательно подви-

гать осадки къ верху маленькимъ гребкомъ съ коротенькой ручкой. Орудіе это очень-похоже на соколѣкъ, дощечку штукатуровъ, которою они затираютъ стѣны; но главную роль тутъ играетъ не плоскость дощечки, а нижнее ея ребро. Наконецъ, отбросивъ въ сторону гребокъ, промывальщикъ сталъ отбивать шлихи щеткой и разсматривать сверкавшія на солнцѣ зернышки, опасаясь, чтобъ теченіемъ воды не снесло ни одной золотинки.

Я глазъ не могъ оторвать отъ кучи блестящаго на вашгертѣ сора и со страхомъ и трепетомъ ожидалъ ужъ не пригоршни золота, какъ прежде разсчитывалъ, а только хоть нѣсколькихъ золотинокъ. Излишне, я думаю, прибавлять, что сѣтка у меня была приподнята, но я не чувствовалъ ни жужжанія комаровъ, ни жала мошекъ: и комаръ и мошка — все на свѣтѣ было забыто!

Кучка мало-по-малу уменьшалась, сносила въ водой. Наконецъ, промывальщикъ и остальные крохи смелъ своей щеткой.

Онъ хладнокровно всталъ и пошелъ готовить ужинъ своимъ товарищамъ.

— А золото? спросилъ я, догоняя его.

— Ни зерна нѣту-съ!

Какъ я ни былъ приготовленъ ко всѣмъ непріятностямъ, но это нерадостное извѣстіе чрезвычайно меня опечалило.

— Посмотримъ, что Богъ дастъ завтра, говорилъ управляющій, тѣтено повторивъ опытъ надъ песками:—а сегодня вамъ мало утѣшенія.

— Но будемъ ли мы завтра счастливѣе?

— Богъ вѣсть! Можетъ-быть, мы углубились мало и не дошли до золотого пласта: можетъ-быть, мы напали на совершенно-пустое мѣсто, а золото и есть, да гдѣ-нибудь подальше. Но, чтобъ узнать гдѣ именно оно залегло, на это надо время, а завтрашній день— послѣдній день, который я могу посвятить вамъ. Завтра намъ надо докон-

чить этотъ шурфъ, если будетъ возможность.

— Не-уже-ли мы и завтрашній день весь проведемъ надъ одной и той же ямой, которую копали и сегодня? Значить, мы новыхъ шурфовъ не надѣлаемъ?

— Конечно, нѣтъ! Очень можетъ быть, что одинъ этотъ шурфъ потребуетъ недѣлю времени, чтобъ дойти до плотяка—до огромныхъ толщъ глинистаго сланца или известковаго камня, на которыхъ обыкновенно покоятся золотосодержащія, или вовсе пустые пески. Намъ угрожаетъ одно изъ двухъ естественныхъ препятствій: если пески дальше пойдутъ мерзлые...

— Какъ? спросилъ я:—мерзлые пески? въ глубинѣ земли? въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ отъ поверхности? когда земля совершенно оттаяла? въ тепломъ климатѣ? среди лѣта?

— Въ этомъ вы на многихъ прискахъ можете лично убѣдиться и увидѣть въ пескахъ и въ турфахъ довольно-толстыя прослойки льду... такъ, если и насъ завтра та же участь постигнетъ, намъ будутъ хлопоты съ оттаиваньемъ.

— Какъ же вы сами на прискахъ отъ этого избавляетесь?

— Тоже оттаиваемъ ихъ; раскладываемъ въ забояхъ (*) костры. Но, чтобъ избавиться отъ этого вѣрнѣе на будущее время, мы съ осени очищаемъ отъ лѣсу, дерна и верхнихъ турфовъ ту мѣстность, которую предположили разрабатывать слѣдующимъ лѣтомъ:

(*) Работы на прискахъ производятся выемками песковъ. Выемки эти называются *разрызами* и образуютъ длинныя улицы, или открытые сверху корридоры. Основаніемъ ихъ служитъ твердая сланцевая горнокаменная порода, на которой лежатъ золотосодержащія пласты; вершину боковъ этихъ улицъ составляетъ поверхность земли. Такимъ-образомъ, верхнюю часть стѣнъ будутъ представлять турфы, а нижнюю — золотосодержащія пласты, разныя отдѣленія которыхъ называются *забѣлами*.

тогда пески будутъ непременно талые.

— А если у насъ пески будутъ талые?

— Тогда насъ ожидаетъ препятствіе другого рода: тогда надобно ожидать сильнаго скопленія въ шурфѣ воды изъ подземныхъ родниковъ, которые поминутно могутъ заливать яму. Надо будетъ безпрестанно воду откачивать. Часто работа эта бываетъ такъ тягостна, что мы едва можемъ справиться при посредствѣ нашихъ нехитрыхъ водоотливныхъ машинъ. Онѣ у насъ безъ рычага, и вы можете себѣ представить, сколько требуется тутъ усилій человека поминутно подымать и опускать поршень, безъ всякаго облегченія и раздѣленія силы. Бываютъ случаи, что мы никакъ пособиться не можемъ: вода насъ такъ одолеваетъ, что хоть всю работу брось!

— Отъ-чего же вы не прилѣгаете рычага? Отъ-чего не выпишите себѣ хорошихъ машинъ?

— Ну, вотъ подите же! Вамъ хорошо разсуждать! Какъ мы тутъ рычагъ прилѣгаемъ? всегда ли есть къ этому возможность—хоть бы въ розыскахъ, когда мы торопимся все сдѣлать на скорую руку и безпрестанно перемѣняемъ мѣсто. Намъ надо тяпъ да лопъ, по походному! а гдѣ тутъ возиться съ деревянными помпами?.. Оно, пожалуй, можно, если захотѣть... да, нѣтъ! какъ тутъ придумаешь! Мы же такъ привыкли къ нашимъ машинкамъ, складнымъ и укладистымъ... А выписывать иностранныя? Врядъ ли будетъ въ этомъ толкъ: или припишутъ Богъ-знаетъ какія, или мы не сумѣемъ съ ними управиться. Да и чего это будетъ стоить! Говорятъ, есть одна штука очень-хорошая, называется буръ, да мы здѣсь объ ней понятія не имѣемъ.

На слѣдующее утро, предположенія управляющаго подтвердились: весь шурфъ былъ залитъ водой. Употребивъ въ дѣло ковши, ведра и котлы, мы всѣ принялись за работу и мало-помалу вычерпали почти всю воду. Но она снова стала заливать всю яму и

тѣмъ съ большимъ стремленіемъ, чѣмъ дальше мы углублялись. Въ выемку, сдѣланную на днѣ ямы, мы вставили собранныя вмѣстѣ колѣна желѣзной трубы, величавой водоотливной машиной и, съ общимъ согласіемъ, рѣшили смѣнять другъ друга въ тяжелой работѣ безпрестаннаго опусканія и подъема длиннаго шеста. Придѣланный съ нижняго конца его кожаный ставанъ довольно-часто прорывался и замедлялъ работу. Уродливое наслѣдіе допотопныхъ механиковъ жалобно всхлипывало и съ тяжкими муками, но съ продолжительными разстановками выпускало изъ себя мутные потоки. Двадцать разъ отливали мы воду, двадцать разъ она снова одолевала насъ, но мы твердо положили добиться хоть до чего-нибудь.

Пробы брались безпрестанно. Пески перетгивались со всевозможнымъ тщаніемъ — но золота не было ни пылинки.

Поѣздка моя сюда оказалась неудачною и бесполезною, потому-что насчетъ внутренняго достоинства пріиска мы остались при прежнемъ невѣдѣніи. Можетъ-быть, онъ богатъ, а можетъ-быть и бѣденъ. Можетъ-быть, въ немъ есть золото, а можетъ-быть, золота въ немъ и нѣтъ.

— Не правда-ли, грустно, что нашъ походъ кончился ни чѣмъ? спросилъ меня управляющій, когда мы на другой день возвращались на гостепріимный пріискъ.

— Да, нечему радоваться! отвѣчалъ я.

— Вотъ такъ-то и въ розыскахъ: ходишь, ходишь цѣлое лѣто, живешь на болотѣ, совершенно омеѣлѣвшись вдали отъ добрыхъ людей, натерпишься всякаго горя, перенесешь тысячи лишений, пройдеши сквозь бездну опасностей, перешурфуешь множество мѣстностей — и все не наткнешься на золото. Съ пустой сумой, съ растравленнымъ сердцемъ идешь домой скрыть отъ людей свое отчаяніе — и вдругъ встрѣчаешь другую партію искателей. Люди съ довольными лицами,

съ радостными взглядами, съ веселыми пѣснями, безъ словъ говорятъ о неожиданномъ счастіи, которое имъ Богъ послалъ, и надменно поглядываютъ на тѣхъ, кого Господь обошелъ благодатью и кто по пустому скитался въ глубинѣ нашихъ сибирскихъ тѣгъ. Сколько неудачный искатель изживетъ въ эти минуты! Сколько неудовлетворенное чувство стяжанія и невольная зависть испортятъ крови и затронутъ жолчи у несчастливца, кажется, отъ природы независтливаго! Сколько лишнихъ сѣдинъ покажется на головѣ задорнаго упряма! Онъ, какъ игрокъ, дѣйствуетъ на удачу и на счастье. Онъ входитъ въ азартъ; послѣднее состояніе, всю будущность свою ставитъ онъ на эту томительную ставку, которая день-за-днемъ, часъ-за-часомъ, минута-за-минуту истощаетъ всѣ его жизненные и карманные силы. Онъ живетъ все время одной надеждой на хорошее открытіе, дѣлаетъ безпрестанно одну мечту — найти богатую розсыпь, вѣруетъ постоянно въ это счастье, съ каждымъ мгновеніемъ, шагъ за шагомъ все ближе и ближе къ нему подвигается, протягиваетъ уже къ нему руки — и вдругъ, съ послѣдней сумой ржаваго сухаря или вяленой говядины убѣждается, что надежда обманула, мечта исчезла, что счастья для него нѣтъ на свѣтѣ! Нѣтъ у человѣка ни розсыпи, нѣтъ у него и денегъ, а есть только семья, мать, жена, дѣти, которыя требуютъ у него пищи и которыми онъ не можетъ дать насущнаго куска хлѣба, потому-что все проигралъ въ азартной игрѣ золотыхъ открытій!

— Но люди находятъ же розсыпи? Вѣдь открываютъ же они новые пріиски? спросилъ я, выслушавъ іереміаду человѣка, который бы долженъ былъ поддерживать во мнѣ духъ искательства и надежду на будущее.

— И еще сколько! У насъ теперь нѣсколько тысячъ золотыхъ пріисковъ. А знаете ли, какъ ихъ обыкновенно открываютъ люди, безпрестанно хватающіе, что они обогащаютъ госу-

дарственную казну своими заслугами на поприщѣ золотопромышленности? Одинъ, дѣйствительный труженикъ, пойдетъ, тратить деньги десятками тысячъ, прокладываетъ тропинки и открываетъ россыпь. А за нимъ, между тѣмъ, слѣдуютъ десятки поисковыхъ партій другихъ хозяевъ; онѣ идутъ у него за хвостомъ, преслѣдуютъ его и только-что прослышатъ, что онъ попалъ на золото — разомъ занимаютъ всю рѣчку и подаютъ заявки, не справившись хорошенько, есть ли тутъ именно золото. Они обманываютъ и себя и другихъ. Чтѣ же это за открытіе? въ чемъ тутъ заслуга? Честъ тому, кто первый нашелъ особую россыпь, а кто такъ съ боку присосѣдился, за что тотъ раздѣляетъ съ настоящимъ открывателемъ всѣ выгоды богатства, если слѣпое счастье наведетъ его на хорошее мѣсто?

— Все же таки и этотъ человекъ такъ или иначе трудился; онъ тоже тратилъ огромныя суммы, ходилъ по тайгѣ, рисковалъ капиталами, жертвовалъ здоровьемъ и трудами...

— Большая заслуга! Да вѣдь онъ вовсе не безкорыстно трудился. Почти безкорыстно трудился тотъ, кто, ища золото для себя, первый открывалъ государству новый источникъ богатства, кто первый, послѣ долгихъ исканій, открылъ новую «россыпь», не зная напередъ, будетъ ли онъ такъ счастливъ, что ее откроетъ. А кто, какъ паукъ на орлиномъ хвостѣ, завладѣлъ на этой россыпи «прискомъ» по слѣдамъ перваго открывателя, тотъ шелъ на чужое открытіе, тотъ билъ на вѣрняка.

— Но, идя по слѣдамъ перваго, второй могъ занять мѣсто вовсе безъ золота?

— Такъ! Но чтѣ же изъ этого? Все-таки онъ шелъ по чужому слѣду и лишаетъ казну процентовъ, которые бы долженъ былъ приплачивать сравнительно съ первымъ открывателемъ.

— Да! вотъ къ чему рѣчь клонится. Но нынче, когда этотъ случай уже въ виду, законъ увеличилъ подать съ

приискателей удерейскихъ россыпей. А я полагалъ, что вы вовсе не хотите признавать подвиговъ и заслугъ всѣхъ золотопромышленниковъ вообще и каждого изъ нихъ въ-особенности...

— Даже кавалера Пизарро!? перебилъ меня мой диспутантъ, упомянувъ имя рыцаря, слава котораго прогремѣла отъ Охотска до Варшавы и отъ Лены до Невы. — Да! этотъ первоверховный вождь великаго племени нахъавшихъ къ намъ съ разныхъ сторонъ искателей великихъ приключеній открылъ здѣсь много поучительнаго и ознаменовалъ себя основаніемъ новой науки — разводитъ прииски какъ цыплятъ и переводить къ себѣ сосѣдское золото. Но Христосъ съ нимъ; оставимъ въ покоѣ этотъ живой пасквиль на великую отрасль народной промышленности! Жаль только, что нѣкоторые изъ нашей братии стали во многомъ примѣръ съ него брать и открывать прииски способомъ, котораго никакіе положительные законы не могутъ предвидѣть и преслѣдовать. На примѣръ: положимъ, вы, да я — оба мы золотопромышленники и оба другъ другу свои люди. Мы знаемъ, что, по закону у одного хозяина не должно быть двухъ приисковъ сряду. Знаемъ и то, что лиха бѣда найти одинъ приискъ, другіе рядомъ будутъ почти-непремѣнно. Вотъ мы и сооружаемъ партію и посылаемъ ее съ двумя или и съ однимъ прикащикомъ, который отъ каждого изъ насъ имѣетъ по особой довѣренности. — Самъ ли собой, или по слѣдамъ другихъ добрыхъ людей, прикащикъ, положимъ, откроетъ намъ богатую рѣчку. Эту рѣчку онъ раздѣляетъ на пятиверстные участки. Первый участокъ онъ, на основаніи моей довѣренности, заявляетъ на мое имя, второй, слѣдующій — на ваше, потому-что вы тоже дали ему довѣренность; третій тутъ же — опять на мое имя; четвертый опять на ваше, и такъ даже, пока отъ устья рѣчки не дойдетъ до ея вершины и не присвоитъ всѣхъ залегающихъ тутъ логовъ и маленькихъ ключиковъ. Что партія была у насъ

общая, объ этомъ никто не увидѣтъ, потому-что по официальнымъ документамъ она раздѣлена будетъ на участки: Иванъ, Сидоръ и Карпъ — мои рабочіе; Кузнецъ, Ома и Еремѣи ваши. А между собой-то мы ужь сдѣлаемъ сдѣлку! Заберемъ въ руки всю рѣчку, дружно раздѣлимъ всѣ барыши по полямъ и оградимъ себя отъ взаимнаго обмана и отъ законнаго преслѣдованія такими документами, что никакой опытный крючокъ не откроетъ нашей стачки.

Раздѣляя вполне предубѣжденія своего собесѣдника противъ подобнаго рода открытій, а съ другой стороны приписывая, между прочимъ, и расположеніе принсковъ тому, что у насъ до сихъ поръ, по новости дѣла, невозможно еще требовать отъ частныхъ золотопромышленниковъ открытія единственно новыхъ золотыхъ розсыпей, потому-что и законъ дозволяетъ заявку однимъ «принсковъ» (которые и донынѣ многими все еще употребляются безразлично въ одномъ значеніи съ «розсыпями», тогда-какъ это только часть дѣла) — мы расскажемъ теперь о томъ, какимъ-образомъ, въ дремучихъ лѣсахъ, удаленныхъ, по-видимому, отъ надзора всякой власти, нынѣ ограждаются права золотопромышленниковъ на открытые ими прински. Что жъ касается до того, какая розсыпь и гдѣ именно изъ частныхъ лицъ открыта — объ этомъ мы не упустимъ передать въ одной изъ слѣдующихъ статей, если не о каждой розсыпи въ особенности, по-крайней-мѣрѣ о значительнѣйшихъ изъ нихъ.

Предводитель поисковой партіи, иногда самъ золотопромышленникъ, чаще всего его управляющій, или еще чаще простой приказчикъ, весьма-рѣдко, почти-никогда незнакомые ни съ геологіей, ни съ геогнозіей, въ открытіяхъ своихъ руководствуются одними темными наглядными признаками, которые, по ихъ понятію, всегда сопутствуютъ мѣстонахожденію золотыхъ розсыпей. Разломы горъ, широта долины, каменистое

дно протекающей по ней рѣчки, наружный видъ горныхъ породъ по осыпямъ утесовъ, вулканическія произведенія, повсюду разбросанныя по окружающей мѣстности, старое ложе потока, изсохшаго или пробившаго себѣ новое русло, наконецъ, и весьма-часто, особенный инстинктъ удачи — вселяютъ въ искателя увѣренность и убѣжденіе, что эта мѣстность не должна оставаться безъ изслѣдованія. Онъ ясно видитъ, что здѣсь розсыпь; но тайный голосъ, безотчетно основанный на видимыхъ предметахъ, шепчетъ ему: бей тутъ шурфъ! это розсыпь не простая, какихъ вездѣ много; это золотая розсыпь!

Послушавшись своего тайнаго голоса и избравъ для изслѣдованій какую-нибудь рѣчку, предводитель поисковой партіи, твердо памятуя правила, которыя въ этомъ случаѣ имѣютъ свое примѣненіе, что *res nullius primo occupandi* и что *non bis in eodem*, — обязанъ выйти въ долину на пространствѣ пяти верстъ въ длину и ста сажень въ ширину, и высмотрѣть всю мѣстность, чтобъ убѣдиться, что онъ пришелъ на дѣйствительную рѣчку и что до него никто не водружалъ здѣсь древа собственности или заявочнаго столба. Пыньче, въ слѣдствіе вновь-вышедшаго закона объ остаткахъ, искатель долженъ обозрѣть долину на семь верстъ.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, искатель велитъ ударить шурфъ, и если, при промывкѣ изъ него песковъ, на вапгерѣ останется хоть одна золотинка, какъ доказательство присутствія здѣсь розсыпи, открыватель приступаетъ къ исполненію принятыхъ формальностей и обрядовъ, которые одни, какъ живые караульщики, охраняютъ права его. Съ близстоящаго дерева онъ стесываетъ кору, сверху дѣлаетъ широкій вырубъ и пишетъ тутъ карандашомъ «начальный пунктъ прииска, принадлежащаго такому-то, открытъ тогда-то». Имя и фамилія хозяина обозначаются одними заглавными литерами, которые, выстѣ-

съ цифрами года, мѣсяца и числа, должны быть непременно вырѣзаны.

Оградивъ такимъ-образомъ свое право на цѣлыя пять верстъ, считая ихъ отъ данной точки, по обычаю, освященному уже закономъ, всегда вверхъ по течению—отъ занятія именно этой мѣстности другими искателями, которые могли бы прійти сюда послѣ счастливаго первенца, открыватель обязанъ на пространствѣ этихъ пяти верстъ сдѣлать не менѣе десяти шурфовъ опредѣленной величины—не менѣе трехъ аршинъ въ длину и двухъ аршинъ въ ширину, и непременно пробить ихъ колодеземъ во всю глубину до почвеннаго камня. Не надобно, однакожь, предполагать, чтобъ это была бездонная пропасть: обыкновенно въ розсыпяхъ, золотыхъ или простыхъ, почвенный камень встрѣчается въ трехъ и не далѣе, какъ въ шести-семи аршинахъ отъ поверхности; о двадцати-аршинныхъ шурфахъ или шахтахъ по маленькой рѣчкѣ говорить, какъ объ исключеніи изъ общаго правила. Наконецъ, у послѣдняго, десятаго шурфа, открыватель опять дѣлаетъ столбъ и по стесанному пишетъ: «окончательный пунктъ прииска, открытаго такимъ-то тогда-то».

Если, занимаясь изслѣдованіемъ, открыватель, идя далѣе вверхъ по теченію, убѣдится, что золотосодержащіе пласты за окончательнымъ пунктомъ богаче, нежели въ той мѣстности, которую онъ самъ себя ограничилъ—онъ имѣетъ полное право перенести свой «начальный пунктъ» туда, гдѣ ему покажется выгодоу его поставить, и такимъ-образомъ замѣнить одну мѣстность другою, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда вновь-избранная мѣстность не занята кѣмъ-нибудь другимъ.

Въ заключеніе всего, онъ слѣдуетъ заявить въ земскомъ судѣ о своемъ открытіи, подавъ объявленіе, въ которомъ долженъ самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ описать: изъ сколькихъ человекъ состояла его партія, откуда каждый изъ нихъ пришелъ,

по какому именно виду или паспорту былъ нанятъ въ работы, когда партія пришла на открытую рѣчку, какъ широка эта рѣчка противъ каждаго шурфа, какими особенностями и въ какомъ именно мѣстѣ замѣчательна долина, какъ велика толщина турфа и золотосодержащаго пласта въ каждомъ изъ десяти шурфовъ, сколько въ каждомъ изъ нихъ промыто ведеръ (пудовъ) песку и сколько изъ каждаго шурфа добыто золота.

При соблюденіи этихъ условій, право золотопромышленника на добычу золота изъ «прійсканнаго» имъ мѣста по «розсыпи»—неотъемлемо; но за это право разработки и добычи казеннаго имущества въ свою пользу, промышленникъ платитъ казнѣ подать, равную 15, 20 или 24 процентамъ всего количества добытаго тутъ золота. У насъ *res nullius* не существуетъ, и все, что не принадлежитъ исключительно кому-нибудь въ частности, составляетъ собственность казны.

Если тайный голосъ напрасно шепталъ предводителю поисковой партіи, если пробы изъ шурфовъ привели къ неутѣшительному результату, то-есть, что розсыпь оказывалась или вовсе пустою, или очень-бѣдною своимъ золотомъ, то на волю изслѣдователя предоставляется объ этомъ пустомъ открытіи заявить правительству, или не заявить; но въ послѣднемъ случаѣ открыватель обязанъ оба сдѣланные имъ столба срубить непременно, чтобъ не вовлечь кого-либо въ недоразумѣніе о томъ, что это чужой, заявленный уже приискъ, и что тутъ нечего искать счастья. И это, такъ-сказать, уничтоженіе сомнѣнія тѣмъ болѣе необходимо, что на брошенной мѣстности однимъ промышленникомъ почти полнымъ признакамъ золота, другой открывалъ значительное богатство. «Признаками» называется обыкновенно содержаніе во стѣ пудахъ песка менѣе $\frac{1}{8}$ золотника золота; но при существующей въ Сибири дороговизнѣ въ иныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и двух-золотниковое содержаніе прину-

ждены почитать «признаками», потому-что расходы на добычу не могут приносить ожидаемых барышей.

Приискъ, заявленный правительству, но брошенный владѣльцемъ безъ вниманія по какимъ бы то ни было причинамъ, такимъ-образомъ, что нарушеніемъ извѣстныхъ условій промышленникъ потерялъ на него «право пользования», а не «права собственности полной», котораго золотопромышленникъ не имѣетъ — такой приискъ поступаетъ въ разрядъ *тунележащихъ* присковъ, которые раздаются отъ казны кому угодно изъ золотопромышленниковъ для разработки за усиленную двадцати-четырёх-процентную подать.

Въ ожиданіи отвода площади, то-есть, того времени, когда владѣлецъ можетъ распоряжаться добычею на приискѣ золота въ большихъ размѣрахъ по своему благоусмотрѣнію — золотопромышленникъ, зная, что его заявочные шурфы вовсе не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія относительнаго богатства его прииска въ будущемъ, первыя заботы свои употребляетъ на то, чтобы звать приблизительно, чего ему ожидать вперёдъ. Для этого онъ предпринимаетъ развѣдку прииска, начиная съ нижней границы его, съ начального пункта. Работу эту онъ производитъ узенькими канавками вдоль и поперекъ прииска, или идетъ шурфами, перекрещивая всю мѣстность ямами въ шахматъ, чтобы въ послѣдствіи не ошибиться въ расчетѣ, знать точное направленіе золотой россыпи и знать пустыя мѣста, гдѣ золота нѣтъ и гдѣ онъ уже устраиваетъ постоянныя помѣщенія.

Хорошая, дѣльная развѣдка, не на авось и не на какъ-нибудь, весьма-важная вещь для каждаго золотопромышленника, потому-что отъ точности ея въ началѣ зависитъ все будущее благосостояніе хозяина. [Мы будемъ постоянно употреблять это слово въ смыслѣ «пользователя» или «временнаго владѣльца» прииска, который *de jure* и *de facto*—есть собственность казны, а

de jure—составляетъ, на время разработки,—движимое имущество промышленника (6).]

Золотая россыпь идетъ не по всей ширинѣ площади прииска, какъ полагаютъ многіе, кому это дѣло не вполнѣ знакомо, а узкою струею, и не по прямой линіи, а разнообразными изворотами и не всегда въ одинаковомъ, равномерномъ отношеніи къ массѣ песковъ, въ которыхъ она сокрыта. Въ одномъ мѣстѣ направленія россыпи — скопленіе золотинокъ бѣдно, въ другомъ, оно богато, въ третьемъ, золота вовсе нѣтъ; наконецъ, есть мѣстности, гдѣ золотосодержащіе пески залегаютъ гнѣздами, такъ-что нѣсколько небольшихъ участковъ прииска заключаютъ въ себѣ богатое скопленіе золотыхъ частицъ, все же остальное пространство покрыто пустыми песками. Отыскать направленіе золотой струи и знать навѣрное, гдѣ именно золото бѣднѣе и гдѣ богаче — это и составляетъ предметъ развѣдки.

Въ доказательство важности внимательной шурфовки и въ предостереженіе иныхъ хозяевъ отъ непріятныхъ послѣдствій, можно привести бездну примѣровъ; но мы расскажемъ только два случая, совершенно одинъ другому противоположные.

Одинъ, кажется, не изъ любителей все дѣлать на авось да какъ-нибудь, приступивъ къ шурфовкѣ открытаго имъ прииска, былъ обрадованъ чрезвычайно-богатымъ содержаніемъ золота въ первомъ шурфѣ. Онъ началъ бить другой—тамъ то же обиліе золота. Онъ заложилъ третій шурфъ — въ немъ пласть былъ еще богаче. Четвертый, пятый и шестой шурфы вбили счастливому хозяину въ голову мысль, что въ его приискѣ столько золота, что его надобно просто загребать руками. Вполнѣ-довольный своими успѣхами владѣлецъ прекратилъ дальнѣйшее изслѣдованіе и не хотѣлъ слушать ни-

(6) Ст. 371, 374 и 392 Св. Зак. Гражд. Т. X, изд. 1842 г. и 2343 и 2371 Св. Зак. Уст. Горн. Т. VII, изд. 1842 г.

какихъ совѣтовъ прикащика, который убѣждалъ его не слишкомъ довѣрять такой находкѣ. Вѣра въ миллионы, которыми прискъ былъ набитъ, промышленникъ приступилъ къ различнымъ постройкамъ, нанялъ въ работу до пяти сотъ человѣкъ рабочихъ, озадачивъ ихъ большими купями, накупилъ сотни лошадей, заготовилъ весь провіантъ и фуражъ на годовое продовольствіе и снабдилъ себя всѣмъ необходимымъ, даже излишнимъ. — Что жъ открылось при дѣйствительной разработкѣ? Что первоначальными шурфами онъ напалъ именно на гнѣзда золота, и что, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ фунтовъ — золота не было болѣе ни зерна! Ожидаемые миллионы канули въ вѣчность, а сотни тысячъ, которыя употребилъ промышленникъ на свои издержки, погибли безвозвратно. «Жалкій случай! Несчастье! Судьба!» жалуется несчастный, не ставя ни во что собственную оплошность.

Другой примѣръ.

Въ одной компаніи было три товарища. Послали они прикащика въ развѣски. Прикащикъ нашелъ имъ розсыпь, срисовалъ имъ планъ теченія рѣчки, обозначилъ тѣ мѣста, гдѣ у него были шурфы, и, въ доказательство благонадежности своего открытія, представилъ имъ, какъ водится, пробы, то-есть, всѣ зерна золота, которыя онъ получилъ изъ шурфовъ. Прискъ по пробамъ дѣйствительно былъ очень богатъ, а честность прикащика не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Къ огорченію хозяевъ, услужливый прикащикъ вскорѣ умеръ. На слѣдующее лѣто компанія назначила развѣдку, распоряженіе которою принялъ на себя одинъ изъ хозяевъ. Можно вообразить себѣ его ужасъ, когда, пробившись цѣлое лѣто надъ проведеніемъ канавъ, штрековъ и тому-подобныхъ хитростей и не успѣвъ во многихъ мѣстахъ хорошенько пробить всѣ пески до твердой породы, довѣренный товарищъ узналъ, что прискъ такъ бѣденъ, что при-

обыкновенной въ Сибири дороговизнѣ припасовъ, особенно въ отдаленныхъ предѣлахъ тайги, куда доставка обходится въ невѣроятную для насъ, петербургскихъ жителей, цѣну, его нельзя было съ выгодой разрабатывать. Компаньйоны стали въ тупикъ, не зная что и придумать. Но такъ-какъ денегъ было довольно потрачено, а разница въ результатахъ каждаго года была слишкомъ-велика, то и рѣшили, чтобы на третье лѣто послать на прискъ удвоенную партію, перерѣзать его по всѣмъ направленіямъ и, во что бы ни стало, добыть до почвеннаго камня непременно. «По-крайней-мѣрѣ» говорили они: «одинъ конецъ будетъ—или панъ, или пропасть!»

Удвоенная партія потребовала удвоенныхъ суммъ на расходы.

Товарищъ, убѣжденный въ безтолковой настойчивости и въ напрасной тратѣ, не хотѣлъ бросить деньги попустому.

Между товарищами завязался споръ. Одна сторона хотѣла непременно поставить на своемъ, упираясь на то, что, потративъ дважды огромныя суммы на открытіе приска и потомъ на его расшурфовку, не основательно было бы бросить дѣло въ то время, когда стоишь на распутии и не знаешь хорошенько, впередъ ли идти, или назадъ воротиться, а между-тѣмъ, колеблемъ сомнѣніемъ, вѣдя, что шурфовка шла не совсѣмъ-удачно и не совсѣмъ даже старательно, потому-что тутъ или тамъ были явныя упущенія.

Другая сторона, то-есть, третій товарищъ, не хотѣлъ уступить ни шагу передъ двумя другими, убѣждая ихъ согласиться наконецъ съ нимъ, что онъ самъ былъ на мѣстѣ, самъ онъ такой же хозяинъ, какъ и другіе, что у него нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ не желать добра самому-себѣ, и что если были кой-какія упущенія, то они такъ мелки и ничтожны, что о нихъ не стоитъ и толковать, а не то, чтобы жертвовать изъ-за нихъ огромными суммами, особенно, когда знаешь, что это ни къ чему не поведетъ.

Различныхъ мѣтѣй никакъ нельзя было согласить. Оставалось одно средство: разсчитаться и разойтись.

Въ компаніи, вмѣсто трехъ, оставалось только два товарища. Третій подписалъ документъ такого содержания, что, не участвуя болѣе въ такой-то компаніи, онъ отстраняетъ отъ себя всѣ издержки, которыя могли бы падать на его часть въ случаѣ общихъ потерь компаніи, а съ другой стороны отчуждаетъ отъ себя всякое право на барыши, еслибы они приходились на его долю, въ случаѣ выгоднаго развитія компанейской операціи.

Вновь-сформированная шурфовочная партія двухъ хозяевъ отправилась на пріискъ, повела дѣло рѣшительно, на задолбіе воды не жаловалась, всѣ пласты прошла до почвеннаго камня и доказала существованіе здѣсь одной изъ богатѣйшихъ россыпей.

Говорятъ, что отступившійся отъ дѣла участникъ почелъ себя оскорбленнымъ этою шуткою, привязался къ какой-то формальности, упущенной изъ вида при составленіи акта отреченія, и затѣялъ съ прежними товарищами продолжительный процессъ. Впрочемъ, новый маленькій фонтенблоскій герой тоже потерялъ свое ватерлооское дѣло.

Приступая къ работамъ, золотопромышленники заботятся объ обезпеченіи себя во всѣхъ возможныхъ потребностяхъ. Жителя пріиска нельзя сравнить ни съ какимъ степнымъ, удаленнымъ въ глушь помѣщикомъ. У этого есть, по-крайней-мѣрѣ, своя хата, растетъ свой хлѣбъ, пасутся свои стада, есть на-готовѣ почти все свое, что нужно для потребленія неприхотливаго человѣка. У золотопромышленника ровно ничего нѣтъ; онъ долженъ за одинъ разъ запасться издалека всѣмъ, что нужно для него лично, какъ для человѣка, что необходимо имѣть ему, какъ заводчику, и что можетъ быть потребно для временныхъ обитателей его пріиска. Начиная съ шампанскаго, которымъ онъ считаетъ себя обязаннымъ понѣжить европейскій вкусъ почет-

ныхъ своихъ гостей, до соли, необходимой всѣмъ въ пищу, отъ трюфля до чернаго сухаря, отъ бархата до каната, отъ серебрянаго сервиза до простой хлѣбальной деревянной ложки, отъ наковальни до иголки, отъ щелка до свиной щетины — все, даже сѣно должно быть имъ заранѣе закуплено и запасено. Провіантъ, фуражъ, колониальные товары, многоразличные орудія для собственно-золотого производства, инструменты плотничные, кузнечные, столярные, разные предметы, которые трудно подвести подъ какую-нибудь категорію, посуда, стекло, свѣчи, всѣ принадлежности хозяйства, наконецъ, такъ-называемыя товарныя вещи для обуви и для одежды, однимъ словомъ, все, что только можетъ понадобиться — все должно быть на пріискѣ, всѣмъ должно разсчитливо наполнить амбары. Все это закупается въ разныхъ мѣстахъ, везется по дорогамъ, сплавляется по рѣкамъ и строится въ резиденціи, откуда отправляется на пріиски.

На пріискахъ въ это время кипитъ жизнь. Одни срубаютъ вѣковые деревья; другіе обрубаютъ сучья и отвозятъ сутunki на пильню, третьи строятъ дома; четвертые готовятъ все нужное для фабрики. Здѣсь шурфуютъ, тамъ отводятъ рѣчку въ сторону, тутъ записываютъ разную кладъ въ книги, въ иномъ мѣстѣ солятъ говядину, тутъ изъ холста шьютъ кули (мѣшки), тамъ подковываютъ лошадей, въ конторѣ разсчитываются съ возчиками, на кухнѣ готовятъ въ огромныхъ котлахъ пищу, въ кузницѣ работаютъ разныя подѣлки — и работа каждаго строго усчитывается, контролируется, проверяется съ заданнымъ урокомъ, отиѣчается письменно въ ежедневномъ журналѣ.

Возвратившись на гостепріимный пріискъ, я занялся его обзорѣніемъ.

На этомъ пріискѣ я увидѣлъ хорошій домъ для хозяина, порядочныя избы для прикащиковъ, конюшни, амбары, фабрику и другія строенія. Не надобно, однакожь, предполагать,

чтобъ это были зданія — все капитальныя. Совсѣмъ нѣтъ: фабрику можно было легко разобрать и перевезти на другой прискъ, а прочія строенія сдѣланы на живую нитку и приведены въ близкое соотношеніе съ природой, не хуже нашихъ петербургскихъ загородныхъ дачъ, гдѣ въ комнатахъ грибы растутъ. Шелъ ли дождь на чистомъ воздухѣ, гулѣли ли съ порывомъ вѣтры въ горахъ — въ то же время и въ домахъ шелъ дождь и вѣтеръ свистѣлъ въ стѣны хоромины. Избушки рабочихъ были маленькія, неуклюжія клѣтки, кое-какъ сложенные изъ разнокалибернаго лѣса, который росъ кругомъ и былъ близко, подъ рукою. Конечно — зимой жить въ этихъ канурахъ не было никакой возможности, но для лѣта — это все-таки было жилище, болѣе-удобное для крова, чѣмъ рожденные шалаши, въ которыхъ обыкновенно укрываются наши великороссійскіе крестьяне во время сѣнокоса.

Прискъ былъ населенъ сотней-другой наемныхъ людей, большею частію изъ ссыльнопоселенцевъ. Тутъ былъ, впрочемъ, всякій сбродъ всѣхъ возможныхъ сословій; но они не имѣли тутъ постоянной осядлости и въ сентябрѣ мѣсяцѣ расходились по домамъ. На прискъ остаются только караульщики, рѣдко десятокъ-другой рабочихъ для перевозки тяжестей изъ резиденціи и еще рѣже небольшое количество народа для зимнихъ работъ. Вотъ и все населеніе приска. На слѣдующее лѣто, если будетъ работа, придутъ другіе рабочіе и опять въ сентябрѣ разойдутся по своимъ деревнямъ.

— Ну! не важныя же у васъ дороги и не надежная осядлость рабочихъ! замѣтилъ я управляющему, припомнивъ горделивые возгласы поклонниковъ золотопромышленности о тѣхъ сердце-радующихъ результатахъ, которыми эта заманчивая отрасль облагодѣтельствовала всю страну.

— Что жъ намъ дѣлать-то! возразилъ управляющій: — или обдѣлывать доро-

ги, или добывать золото! Гдѣ есть возможность и случай соединить то и другое вмѣстѣ, тамъ мы и соединяемъ. Посмотрите вы на томскую тайгу: изъ конца въ конецъ можно почти всю ее въ легкомъ тарантасѣ съ грѣхомъ пополамъ проѣхать, въ немногихъ развѣ мѣстахъ рискуя сломить себѣ шею, и то если только днемъ ѣхать. Но и это слишкомъ-важный шагъ къ усовершенствованію! А отъ-чего такая благодать? Отъ-того, что приски тамъ гораздо-раньше открыты; тайга не обширна; люди дешевы; подвозъ недалекъ; сообщенія чаще; грунтъ земли крѣпче; надзоръ ближе и строже. А въ другихъ мѣстахъ приски гораздо-позже открыты, болота встрѣчаются безпрестанно; тайга необъятна; пунктовъ соединенія мало: тутъ обдѣлывать дороги выше силъ человѣческихъ. И надо вамъ замѣтить: что если мы и обдѣлываемъ дороги, такъ это не для того, что у васъ называется «общее потребностію», а для того, что намъ, именно мы, это необходимо, чтобъ провозъ для меня обошелся ближе и дешевле; до другихъ какое мнѣ дѣло! Вотъ я вамъ скажу, какой былъ у насъ случай. Горный исправникъ послалъ къ одному доверенному (7) бумажку, какъ онъ называлъ — предписаніе, а, какъ мы полагаемъ — такъ отношеніе. И пишетъ: черезъ вашъ, молъ, прискъ проѣзжая дорога для всѣхъ; такъ не угодно ли, говорить, вамъ будетъ по долгу христіанскому и по любви къ ближнему, въ такомъ-то мѣстѣ на трясину накинуть мостокъ, да хоть маленько обдѣлать тронку? а то наемни я проѣзжалъ —

(7) Вотъ нѣчто въ родѣ іерархіи присковаго люда: хозяинъ, главноуправляющій, управляющій, становой, доверенный, коммиссіонеръ «по особымъ порученіямъ» (повѣренный только у откупщиковъ бываетъ), кассиръ, бухгалтеръ, прикащикъ по наемкѣ и закупамъ, матеріальный, просто прикащикъ, смотритель, служитель, штейгеръ, нарядчикъ, староста, десятскій, конюхъ и простыя рабочіе съ многочисленными подраздѣленіями.

чуть-чуть самъ не убили, а лошадь выше брюха завязла — тутъ и пропала. А довѣренный и отвѣчаетъ: на предписаніе, говорить, вашего высокородія, спѣшу увѣдомить, что у меня народу, какъ вамъ извѣстно, очень-мало, такъ-что если я людей своихъ пушу на дорогу, то останусь безъ золота и разорюсь убытками; да къ тому жь по этой, говорить, дорогѣ хозяева наши сами не бѣдятъ, а коли я когда вздумую поѣхать, такъ меня авось Господь и помилуетъ.

— А осѣдлость?—ровно никакой?

— Да изъ чего жь тутъ осѣдлости-то быть? Мы и сами не знаемъ,будетъ ли у насъ на пребудущее лѣто работа и нужно ли тогда нанимать рабочихъ: у инаго пріискъ не расшурфованъ, а у инаго случится, что компанія не вышлетъ денегъ на будущее производство. Осѣдлость на мѣстѣ однихъ и тѣхъ же людей и лѣтомъ и зимою есть очень у немногихъ: у Рязановыхъ, у Казанцова, у Зотова, у Асташова, у нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ люди и зимой работаютъ. А у насъ... слава-те Господи, что изъ людей никто не жалуется, что ему лѣтомъ жить негдѣ: ни на одномъ пріискѣ вы не найдете ни одного человека, который не имѣлъ бы надежнаго крова отъ сырости и непогоды. Для этого мы даемъ людямъ, по приходѣ ихъ на пріискъ, по три дня на собственные ихъ нужды, не требуемъ отъ нихъ въ это время пріисковыхъ работъ, а кормимъ и поимъ ихъ даромъ. А это въ массѣ чего-нибудь очень стоитъ, особенно если вы прибавите сюда и прокормъ народа во все время переходовъ его по тайгѣ. Люди въ это время строятъ себѣ избышки или каждый для себя, или человека два-три вмѣстѣ общими силами. Разница между нашими избышками и вашими будками только та, что послѣднія красивы, удобны и крѣпки, а въ избышки со всѣхъ сторонъ вѣтеръ дуетъ.

— Говорятъ, что на пріискахъ двѣнадцать рабочихъ лѣтъ равны только четверемъ годамъ обыкновеннымъ. Скажите, правда ли это? По-крайней-

мѣрѣ, это напечатано, и публика въ этомъ увѣрена.

— Сказать, что это истинная правда, я не смѣю, потому-что въ подобномъ отвѣтѣ будетъ скрываться явная несправедливость и высшая неблагодарность къ щедротамъ правительства, которое милостиво раздаетъ намъ пріиски на двѣнадцать лѣтъ обыкновенныхъ. А основаніе отвѣчать такъ — есть, потому-что большинство золотопромышленниковъ работаетъ только четыре мѣсяца въ году, а на остальные-то восемь мѣсяцовъ у него не хватаетъ ни капитала, ни обслѣдованной мѣстности, которая, впрочемъ, тотъ же капиталъ. Вѣдь золотопромышленность — это такого рода промышленность, къ которой можно примѣнить пословицу: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Большинство участниковъ въ дѣлахъ этого рода стараются вести свои операции, что называется, на фуфу — извините меня за это слово, а оно тутъ у мѣста: отъ того у нихъ весь годъ и состоитъ изъ четырехъ мѣсяцевъ. А посмотрите вы на настоящего золотопромышленника, на капиталиста, который питаетъ уваженіе и къ своему званію и къ тому дѣлу, которое дало ему вѣсъ на семь свѣтѣ — у того дѣла иначе ведутся. Если золотопромышленникъ — хорошій хозяинъ, если пріискъ его благонадеженъ и предварительно хорошо расшурфованъ; если онъ надлежащимъ образомъ озаботится о законтрактованіи къ себѣ надлежащаго количества рабочихъ, если онъ дастъ имъ крѣпкое, надежное, приличное помѣщеніе — хоть одну общую казарму, вмѣстѣ сотни жалкихъ лачугъ,если,наконецъ, у него устроена будетъ теплая промывальня для сохраненія здоровья людей—словомъ, если онъ самъ захочетъ — его двѣнадцать рабочихъ лѣтъ — равны будутъ ровно двѣнадцати годамъ такимъ же, какъ у всѣхъ православныхъ. Чего все это будетъ стоить? — это другой вопросъ. Этимъ-то вопросомъ и выкажется золотопромышленникъ весь, каковъ онъ есть въ-самомъ-

дѣлѣ съ его желаніемъ пожать тамъ, идѣ же не сѣялѣ.

— Но вы сами? спросилъ я, будучи пораженъ такою откровенностію. — Вы, по-видимому, говорите совершенно противное тому, что я вижу у васъ на приискѣ?

— Я вамъ говорю одно, такъ, какъ самъ думаю, а дѣлаю другое, потому-что обстоятельства меня принуждаютъ такъ дѣлать. У насъ съ хозяиномъ нѣтъ большаго капитала: хозяинъ всю жизнь провелъ въ лавкѣ, гдѣ сколотился немножко деньжонками и пустился въ приiski; я лучшіе годы жизни просидѣлъ за протоколами да за революціями: значить, не могъ имѣть за душой ни копейки! Золотыя дѣлишки наши были сперва маленькія, ничтожныя. Теперь Господь благословилъ насъ, и мы можемъ расширить кругъ приисковыхъ работъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы и сами начинаемъ жить шире и потребности, о которыхъ мы прежде не имѣли никакого понятія, являются теперь къ намъ гурьбой. И домикъ надобно; въ домѣ надо мѣбель; безъ хорошаго повара житье стало плохое на свѣтѣ; къ хорошему столу надо винцо; выѣхать въ люди — надо лошадокъ, экипажъ, порядочный гардеробъ... А тамъ и пошло! и пошло! такъ-что на приiski-то удѣлить почти и нечего!

На приискѣ меня поразила та заботливость, которою золотопромышленники окружаютъ своихъ рабочихъ. Каждый изъ нихъ получаетъ значительное жалованье отъ 3 руб. 50 коп. до 7 и до 10 руб. сер. въ мѣсяцъ, смотря по трудности и качеству работы. Плотникъ, промывальщикъ, кузнецъ, коноваль, хлѣбопекъ, конюхъ, нарядчикъ при работахъ обладаютъ спеціальными познаніями своего предмета и составляютъ, такъ-сказать, аристократію рабочихъ, принимая, вмѣстѣ съ прикащиками, служителями и штейгерами, всегда сторону хозяевъ. Пробойщики, забойщики и люди, командированные на шурфы и другія тяжелыя работы, отличаются неутоми-

мостью, желѣзнымъ здоровьемъ, тѣлесною силою, вѣсомъ въ кругу товарищей и вліяніемъ своимъ на всю массу рабочихъ. Это чистые демократы, готовые вспыхнуть какъ порохъ отъ первой неосторожной искры и явной несправедливости. Прочая сволочь — партія умѣренныхъ, пристающая всегда къ той сторонѣ, которая сильнѣе. Первые два разряда получаютъ высокую плату. Люди, обладающіе особенными къ чему-нибудь талантами — получаютъ даже слишкомъ-большое жалованье. Я зналъ рабочихъ, то-есть, не совсѣмъ рабочихъ, а лица изъ разряда ссыльнопоселенцевъ, которые получали отъ одной изъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями жалованья при всемъ готовомъ содержаніи. Хотя немногіе, однакожъ есть люди изъ того же числа, которые приобрѣли правилами новой своей жизни такое участіе и довѣріе къ чистотѣ ихъ дѣйствій, что имъ даютъ порученія, въ которыхъ на инаго изъ обыкновенныхъ людей не всегда положишься. Но все это не то, чего ожидаешь отъ поселенца. Хлѣбопашество они бресли, сдѣлались бездомными; привязанности къ новому пепелищу нѣтъ; соблазновъ много: правда, ссыльный здѣсь уже не негодай: онъ работникъ, и хорошій работникъ; но, трудясь полгода золотопромышленнику, — остальные полгода онъ трудится винному откупщику!

Что касается собственно до содержанія рабочихъ, то каждому изъ нихъ положенъ опредѣленный паекъ: печенаго хлѣба и квасу столько, сколько человѣкъ можетъ потребить, что составляетъ круглымъ числомъ два съ половиною пуда муки въ мѣсяцъ на человѣка, включая сюда же расходъ на гостей, волею или неволею посѣщающихъ понавишя на дорогѣ приискъ, владѣлецъ котораго, по обычаю, имѣющему силу закона, ставитъ себѣ въ обязанность накормить и напоить прохожаго. Кромѣ того, всякій рабочий получаетъ свѣжей говядины, или солонины, или вяленаго мяса по одному фунту въ день и, въ добавокъ, нужное

количество соли, крупъ на кашу и для нея масла. Дѣйствительно ли рабочий состоитъ на работѣ, съ позволенія ли управляющаго пользуется отдыхомъ, боленъ ли онъ, или самовольно вздумалъ прогулять нѣсколько дней — во всякомъ случаѣ паёкъ идетъ ему неизмѣнно. Можно безъ запинки сказать, что народъ въ артели ѣстъ не только весьма-сытно, но еще и очень-вкусно. Инымъ, смотря по важности возложенной на нихъ должности, по усиленному труду, или по особенному аппетиту, паёкъ этотъ увеличивается въ полтора и въ два раза. Для постныхъ дней, для немногочисленныхъ охотниковъ, хозяева запасаются другими припасами и выдачу мяса замѣняютъ по возможности выдачею картофеля, постнаго масла, капусты и гороха.

Вино на приискахъ не вездѣ бываетъ; въ послѣдніе годы, кажется, всюду, ввозъ хлѣбнаго вина на прииски, даже для раздачи порцій рабочимъ, запрещенъ мѣстнымъ начальствомъ, съ цѣлю не подавать повода, подъ видомъ даровой раздачи порцій, продавать вино рабочимъ. Распоряженіе это, не для всѣхъ пріятное въ одномъ отношеніи, то-есть, на счетъ подкрѣпленія силъ рабочаго, изнуреннаго тягостными трудами во всегдашней сырости, имѣетъ съ другой стороны самыя благодѣтельныя послѣдствія: народъ, разумѣется, рабочий, всегда трезвъ и не выходитъ изъ повиновенія.

Однакожь, и тутъ не проходитъ безъ попользованія къ тайному провозу вина на прииски: въ зимовьяхъ, чрезъ которыя проходятъ рабочіе къ мѣсту назначенія, не разъ казаки или доверенные исправникомъ служители брали въ плѣнъ контрабандистовъ, придумывавшихъ особеннаго вида желѣзные вмѣстительныя посудыны, весьма-удобныя для сокрытія тайно-провозимой драгоцѣнности въ шаравахъ, на груди, или подъ-мышками. Въ-отношеніи къ простымъ рабочимъ надзоръ за этимъ очень строгъ. Что

жь касается до другихъ лицъ, то трудно найти хотя одинъ приискъ, гдѣ бы въ конторѣ или амбарахъ подъ замкомъ матеріальнаго не хранилось нѣсколькихъ ведеръ хлѣбнаго вина. И углядѣть трудно — и нѣтъ надобности преслѣдовать людей, которые, по чувству долга, не дозволяютъ себѣ неприличнаго поступка.

Для удовлетворенія многообразныхъ нуждъ приисковыхъ обитателей, на каждомъ приискѣ устроиваются магазины, изъ которыхъ, въ счетъ платы, продаютъ прикащикамъ и рабочимъ разные предметы, необходимые для каждаго. Разумѣется, просьба рабочаго о выдачѣ ему не-кирпичнаго чая, бархата или другихъ предметовъ роскоши не будетъ исполнена, такъ-какъ это строго запрещается закономъ. Изъ этихъ магазиновъ самое значительное требованіе бываетъ на бродни, чарки, рукавицы, вареги, азамы, полушубки, сукно, холстъ, кожи и черкасскій и русскій табакъ. Первые пять предметовъ составляютъ главнѣйшую статью сбыта: безъ нихъ рабочему невозможно работать; но они требуютъ частой перемѣны, потому-что азамы не долго служатъ и скоро ветшаютъ; рукавицы скоро избиваются отъ тренія о рукоять ломовъ и лопатокъ; обувь изнашивается въ нѣсколько дней подъ вліяніемъ всегдашней сырости и грязи, въ которой человекъ трудится извлекая золото. Забирая у промышленника эти необходимыя для себя статьи, рабочий совершенно увѣренъ, что ему каждую вещь продадутъ за ту только цѣну, чего она именно стоитъ вмѣстѣ съ провозомъ, что богатый хозяинъ не польстится на поживу съ бѣднаго мужика какой-нибудь лихвой, и что, кромѣ того, правительство строго слѣдитъ за умѣренною платою, требуя даже въ этомъ отчетности отъ золотопромышленниковъ и устанавливая въ каждомъ округѣ частныхъ золотыхъ промысловъ особую, сообразную съ мѣстными обстоятельствами однообразную таксу.

— Вотъ тутъ тоже пужно неусыпное наблюденіе нашего брата, а не то какъ разъ попадешься на замѣчаніе, прибавилъ мнѣ управляющій. У насъ бывали въ старые годы такіе матеріальныя, которые, при слабомъ надзорѣ со стороны главнаго производителя работъ, пользовались его нерадѣніемъ и пристрастіемъ русскаго человѣка къ запрещеннымъ вещамъ. Они, тайкомъ отъ старшихъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно. Но, чтобъ не замѣтно было ихъ продѣлокъ, въ разсчетномъ листѣ рабочаго ставили, вмѣсто восьмьюшки сахара — пару варегъ, вмѣсто четвертки чая — пару броденъ, и такимъ образомъ, скрывая всѣ слѣды своего лихоимства, наживались въ-тихомолку на-счетъ ближняго. Но подобныя злоупотребленія могутъ сильно повредить золотопромышленнику и подвергнуть его-самого законной отвѣтственности.

Разсчетный листъ есть копія со счета изъ общей книги, въ которой записаны всѣ рабочіе. Разсчетный листъ пишется такимъ-образомъ, что на верху первой страницы съ одной стороны означаетъ имя и прозваніе рабочаго, его сословіе, нумеръ его по общей книгѣ, мѣсто выдачи паспорта и срокъ его, а съ другой — описываются наружныя примѣты наемщика. Внизу сдѣланы три отдѣленія. Въ первомъ, подъ рубрикой «заслуга», означаетъ число дней, проведенныхъ рабочимъ на дѣйствительной работѣ, съ обозначеніемъ особыхъ занятій и командировокъ; во второмъ, подъ рубрикой «выдача», отмѣчается число, качество и цѣнность товаровъ, взятыхъ рабочимъ изъ магазина, и сумма налѣжныхъ денегъ, полученныхъ изъ кассы; въ третьемъ, подъ рубрикой «стараніе», обозначается количество и цѣнность различныхъ трудовъ, понесенныхъ наемщикомъ сверхъ урочной работы. Разсчетный листъ хранится всегда у рабочаго и служить для него доказательствомъ правъ его на получение слѣдующей ему суммы денегъ. При окончательномъ разсчетѣ, раз-

счетный листъ возвращается въ контору, если разсчетъ сдѣланъ съ нимъ справедливо. При такомъ порядкѣ дѣлъ невозможны никакія недоразумѣнія между хозяиномъ и работникомъ.

Этотъ превосходный порядокъ, который не мѣшало бы завести на всѣхъ нашихъ великороссійскихъ фабрикахъ, заслуживаетъ особенное вниманіе, при той аккуратности, съ которою эти обоюдные счета ведутся безъ излишней траты бумаги.

Но еще болѣе замѣчательное явленіе въ мѣстахъ, гдѣ, казалося бы, человѣку нечего было стѣсняться какими-нибудь нравственными обязанностями и филантропическими идеями — представляеть повсемѣстное заведеніе лазаретовъ для больныхъ рабочихъ, и это самая умилительная черта золотопромышленниковъ, неупускающихъ изъ вида ничего, что можетъ служить для призора и упокоенія тѣхъ, кто жертвуетъ имъ своими силами и трудами. Обыкновенно, на сто рабочихъ полагается десять кроватей со всѣмъ госпитальнымъ заведеніемъ. Золотопромышленники приглашаютъ къ себѣ опытныхъ и весьма-искусныхъ докторовъ, заключаютъ съ ними на все время контракты, нанимаютъ для каждаго прииска особыхъ фельдшеровъ, выписываютъ разные аптекарскіе матеріалы, инструменты и окружаютъ больного всѣми возможными попеченіями. Статья эта весьма-строго ревизуется горнымъ начальствомъ, которое съ своей стороны высылаетъ на промыслы своихъ медиковъ.

Итакъ, въ мѣстахъ, куда, по выраженію русскихъ людей, воронъ костей не заносить — права рабочаго класса и отношенія его къ классу промышленниковъ такъ положительно обезпечены въ малѣйшихъ подробностяхъ, что англійскіе или французскіе филантропы вполне могутъ намъ Русскимъ позавидовать, особенно, если они сравнятъ своихъ манчестерскихъ и тулонскихъ тружениковъ съ нашими

сибирскими работниками, которые и сами по себѣ не позволять, какъ говорится, выжать изъ себя сока, зная, что вездѣ найдутъ себѣ во всемъ управу и законную защиту въ правительственныхъ лицахъ.

Оканчивая обзоръ устройствъ на приискѣ заведеній, мы подошли къ пространному деревянному шатру, утвержденному на высокомъ столбѣ и покрытому досчатою крышею. Это фабрика, промывальня.

Часть людей привозила въ двухколесныхъ таратайкахъ золотосодержащіе пески, отъ тряски и проникавшей ихъ влажности превратившіеся въ коричневую кашу вязкаго свойства. Отступивъ дно таратайки, державшееся въ обычныхъ своихъ границахъ на веревочной петлѣ, возчики высыпали пески на «полѣкъ», деревянный помостъ фабрики. Въ полѣкъ сбѣгавы были «люки», куда особо-приставленные люди спихивали пески въ помѣщеніе, устроенное внизу фабрики. Тамъ пески падали прямо на круглыя желѣзные «чаши», устьяныя сквозными дирами. Надъ этими скважинами, на столбѣ, приводимомъ въ движеніе особымъ механизмомъ, привѣшены были крестообразно чугунныя тяжести, въ видѣ лапъ, свободно двигавшіяся на стержнѣ. «Лапы» эти, обращаясь кругомъ чаши, тяжестью своею скользили по крупнымъ галькамъ, съ которыми золотосодержащіе пески были перемѣшаны.

Пески перетирались между дномъ чаши и плоскостію лапъ и крестовинъ, на которыхъ лапы были навѣшены. Здѣсь особые рабочіе, «пробойщики», при помощи желѣзныхъ скребковъ, разбивали большіе комки слипшейся массы песковъ и содѣйствовали безостановочному кругообращенію снаряда, откидывая прочь валуны кварца и известковаго камня. Размельченные такимъ-образомъ пески проскакивали въ скважины и упали на уста-

новленные подъ чашею «головки» — наклоненныя плоскости, съ которыхъ скатывались на покато же поставленные у ихъ оконечности «лодки» или длинныя корыта, раздѣленные въ ширину на нѣсколько отдѣленій деревянными плантусами.

Между-тѣмъ, вода, проведенная изъ особо-устроеннаго бассейна на фабрику, проливнымъ дождемъ лилась какъ на самыя чаши, такъ и на головки и, следовательно, на лодки, способствуя черезъ это скорѣйшему раздѣленію различныхъ смѣсей золотосодержащихъ песковъ и соединяя процессъ протиранія съ процессомъ промыванія.

Въ то время, когда проскочившіе черезъ рѣшетчатыя чаши пески густымъ потокомъ текли съ головки по лодкамъ, желѣзныя грабельки, въ два ряда поставленные по всему протяженію лодокъ, посредствомъ одного и того же механизма, ходили маятникомъ отъ одного бока лодки до другого и еще болѣе способствовали къ отдѣленію золотыхъ зернышекъ отъ глинистаго состава, который все еще ихъ облекалъ. Вода, играющая самую главную роль въ этомъ процессѣ, вязкою мутию стремилась съ лодокъ въ отводныя канавки, унося съ собою безвозвратно, вмѣстѣ съ простою грязью, незначительное, какъ увѣряютъ, количество золота, которое или по легкости своей и едва-замѣтнымъ пылинкамъ не могло осѣсть на днѣ лодокъ, или не устояло противъ стремленія безразсечно-пущенной воды, какъ-нибудь попавъ на поверхность галекъ.

Работа при насъ кончилась: послѣдняя урочная таратайка была промыта.

Промытые, то-есть «обогащенные», неуплывшіе въ канаву пески, при насъ свили съ головки и съ лодокъ, составляющихъ нераздѣльную часть машины, усвоившей себѣ названіе «чаши», и наполнили ими нѣсколько бадей. Пески, собранные съ наклонной плоскости, поставленной подъ

чашами, и съ верхней части лодокъ, называются «головками», а изъ другихъ отдѣлений длиннаго корыта — «хвостами»; въ первыхъ, золото обильнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Наружный видъ тѣхъ и другихъ почти такой же, какъ видъ обыкновеннаго простаго крупнаго песка, отъ котораго отличается небольшими кусочками разныхъ цвѣтовъ кварца, известковаго камня, глинистаго сланца, равныхъ конгломератовъ, кубиковъ бураго желѣзняка и иногда зернышекъ венисы.

Бадн отнесли въ сторону и высыпали на вашгертъ. Здѣсь ихъ подвергли обыкновенной ручной промывкѣ съ тѣми же приемами, которые я видѣлъ еще при шурфовкѣ.

Не успѣлъ еще промывальщикъ перетереть всѣхъ песковъ на вашгертъ и скинуть большую часть простыхъ камешковъ, какъ на верхней оконечности слегка наклоненной плоскости по всей ея ширинѣ образовалась ярко-оранжевая полоса. Съ постепеннымъ сбрасываніемъ откидываемыхъ галекъ, или, говоря технически — откидныхъ песковъ, полоса эта становилась шире и шире. Принявшись за маленькій гробокъ и за отбиваніе шлиховъ щеткой, промывальщикъ смелъ всю полосу въ одну кучку.

Это было золото!

Гребочкомъ, щеткой и большимъ пальцемъ правой руки отдѣлялъ онъ его отъ мелкаго сора, сгребалъ его на «сачокъ» — тоненькій желѣзный листочекъ съ закраинами, и высыпалъ въ большую, въ родѣ разливной, желѣзную ложку.

Приставленный къ этому дѣлу особый надзиратель, въ присутствіи штейгера, принялъ ложку съ подобающимъ благоговѣніемъ, стараясь не оступиться по неровному грунту земли и не просыпать вѣтренной ему драгоценности по дорогѣ. Потомъ онъ отнесъ ее къ горящему костру и поставилъ на огонь. Вода, которую золотыя песчинки были смочены, испарилась, и мы уви-

дѣли благородный металлъ во всемъ его очаровательномъ блескѣ. Золотые комочки, кусочки, зернышки горѣли какъ жаръ.

Отъ костра золото тѣмъ же порядкомъ отнесено было въ контору. Здѣсь его сбросили на простой листъ бумаги. Управляющій сталъ водить по немъ магнитомъ и освобождать отъ легкихъ желѣзныхъ пылинокъ и пластинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ черныхъ шлиховъ. Это не что иное, какъ магнитный песокъ въ тѣсномъ соединеніи съ мельчайшими частицами золота, которое у иныхъ хозяевъ извлекается отсюда посредствомъ амальгамціи.

Послѣ магнита, управляющій принялся за заячью лапку и, разметывая понемножку золото, началъ выдувать смѣшавшуюся съ нимъ простую пыль, осадокъ отъ воды, насыщенной во все время операціи разнородными посторонними частицами.

Затѣмъ золото положено было на вѣсы, взвѣшено и высыпано въ сдѣланную изъ красной мѣди банку съ замочкомъ, ключъ отъ котораго безотлучно хранится у управляющаго. Въ казенной книгѣ, выдаваемой изъ горнаго правленія для записки ежедневной добычи золота на каждомъ прискѣ, безъ промедленія времени было записано, что въ такой то день, при посредствѣ столько-то человекъ народа, добыто и промыто столько-то тысячъ пудовъ песковъ и изъ нихъ получено золота именно столько-то.

Этимъ на первый разъ мое знакомство съ присками кончилось. На другой день, я пустился въ дальнѣйшій путь...

Посмотримъ, что-то намъ скажетъ наша знаменитая Большая Акціонерная Золотопромышленная Компанія — въ Затунгузскомъ-Краю!

П. Н.

КОРСУНСКІЙ СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ НА ДНѢПРѢ.

(Изъ «Путевыхъ Записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ».)

Прежде отъѣзда изъ Берислава, я рѣшился съ спутниками своими побывать въ Корсунскомъ Старообрядческомъ Монастырѣ, который находится на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 30 верстахъ ниже Берислава. Мы отправились туда 8 мая въ часъ по-полудни, водою, на восьми-весельномъ казенномъ баркасѣ. Погода стояла тихая и ясная. Сопровождающія правый берегъ величественнаго Днѣпра, бывшаго въ это время въ полномъ разливѣ, известковыя горы, увеселяли наше зрѣніе своими фантастическими очертаніями, представляя, разумеется, съ помощію воображенія, то уворчатые фасады домовъ, то колонны съ пилястрами, то рельефы и іероглифическіе знаки. Въ основаніи горъ и на отгеляхъ Днѣпра, нерѣдко замѣтны были валуны кораллита, имѣющаго цементомъ рыхлый известковый камень.

Лѣвый берегъ Днѣпра, начиная отъ селенія Каиры, въ 30 верстахъ выше Берислава, до самаго Чернаго-Моря, образуетъ плоскую равнину, большую частью убѣленную песками, которые далѣе по Кинбурнской-Косѣ переходятъ въ значительныя возвышенія (кучугуры), окружающія небольшія пространства, покрытыя зеленою и малорослыми дубами и березами, свидѣтельствующими о бывшей здѣсь нѣкогда Илеѣ (лѣсистой странѣ), прославленной смертію Анахарсиса. На этихъ-то оазисахъ водворены обширныя селенія и съ успѣхомъ разводятся испанскія овцы. Чѣмъ ближе къ Днѣпровскому Лиману, тѣмъ кучугуры становятся возвышеннѣе и чаще, хотя и нельзя назначить для нихъ постоянно-опредѣленнаго положенія, которое зависитъ отъ мѣстности и напавленія вѣтровъ, такъ-что эти пес-

чаные пригорки можно счесть нѣкоторымъ-образомъ путешествующими: выпнече видишь ихъ въ томъ мѣстѣ, а послѣ въ другомъ. Въ нѣкоторыхъ, однакожь, мѣстахъ, какъ-то при самомъ городѣ Алешкахъ (Днѣпровскѣ), котораго имя производятъ отъ Илеи и признаютъ это мѣсто за Олешье нашихъ лѣтописей — кучугуры эти постоянны и простираются полукруженіемъ, наподобіе невысокаго хребта покрытыхъ снѣгомъ горъ, имѣя въ высоту до 30 и болѣе сажень. Пески дѣлаютъ здѣсь сухопутную дорогу очень-затруднительною, а при маломъ вѣтрѣ воздымаясь, образуютъ, особливо лѣтомъ, песчаную выюгу, нестерпимую для глазъ и заметающую дорогу.

Въ три часа по-полудни, мы пристали къ крутому берегу возлѣ деревни Каменки, въ 10 верстахъ отъ Берислава, гдѣ нашли добрый пріютъ и остались до слѣдующаго дня.

9-го мая въ 8 часовъ утра, на томъ же баркасѣ, пустились мы прямо къ монастырю, до котораго оставалось еще верстъ съ 15. Вправѣ разстиглась заливъ Днѣпра; за нимъ слѣдовалъ косогоръ, покрытый дикимъ виноградомъ и грушами, примыкавшій къ отдѣльной горѣ, съ примѣтными на ней остатками бывшаго укрѣпленія, подобнаго бериславскому. Далѣе, мы продолжали путь, сначала протокомъ Казачьимъ, потомъ Хмѣльницкаго, въ него впадающимъ, берега которыхъ обросли вѣтвями, осокорью, вербами и камышомъ, или по-малороссійски очеретью, до 1½ и даже до 2 сажень вышиною. Эти протоки составляютъ единственные остатки, напоминающіе о существованіи въ сосѣдствѣ ихъ на рѣкѣ Каменкѣ и при Алешкахъ Запорожской-Сѣчи; одинъ изъ протоковъ носитъ имя, вѣроятно, бывшаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

Близъ монастыря, переѣхавъ самый Днѣпръ, вошли мы опять въ узкой протокъ, называемый Каменницею, который привелъ насъ къ стѣнамъ монастыря, откуда звуки благовѣста доносились уже до насъ гораздо-прежде,